

Социальная история отечественной науки и техники

А. Б. КОЖЕВНИКОВ

ФИЛАНТРОПИЯ РОКФЕЛЛЕРА И СОВЕТСКАЯ НАУКА

Современный стиль филантропии

Для православия и католичества одной из важнейших христианских добродетелей является милосердие. В добром деле важны прежде всего движение души, участие и жалость; искренность чувства выдает истинного христианина. В протестантской культуре спасение определяется не отдельными «добрыми делами», а рациональной системой жизни в мире (см. [1]) и на место милосердия в качестве добродетели ставится благотворительность. Здесь важны не столько душевные переживания, сколько польза, которая проистечет из акта даяния. Нельзя сказать, что в итоге жертвуют меньше, но импульсивность чувства поверяется рациональными соображениями, что для нас иногда выглядит кощунственным.

Уяснив разницу между милосердием и благотворительностью, легче понять суть благотворительности организованной, где вообще отсутствует непосредственный контакт между просителем и жертвователем и где сам акт даяния остается индивидуальным, но распределение помощи осуществляется специальной организацией, например фондом. Это уменьшает зависимость результата от счастливого случая, сводящего просителя с благодетелем, и от личных предпочтений и переменчивых настроений жертвователя. Дело благотворительности становится не только более бюрократическим, но и, вообще говоря, более рациональным. Душевные переживания дающего и решение о целесообразности оказания помощи разнесены. Работники благотворительной организации являются служащими, которые сами не жертвуют, а распределяют чужие средства да еще получают за это жалованье. Политика благотворительной организации опирается на рациональные соображения, а конкретные решения принимаются коллегиально на основе формализованных процедур. Такого рода организованную благотворительность, в отличие от индивидуальной, условимся называть термином — благо в русском языке такое слово есть — «филантропия».

Индивидуальная благотворительность и меценатство существуют издавна, возникновение же филантропии как заметного явления датируется концом XIX — началом XX в. Наибольшее распространение она получила в США, где участие государства в решении социальных проблем было традиционно меньшим, чем в Европе. Экономически рождение филантропии во многом объясняется появлением в результате промышленного бума, золотой, нефтяной и прочих лихорадок огромных состояний; психологически — помимо протестантской этики — еще и тем, что владельцам этих состояний проще было платить специальным сотрудникам, чем тратить личное время на каждого просителя. И, наконец, внутривнутриполитическая причина — это волна общественной критики тех далеко не всегда джентльменских методов, какими эти состояния были нажиты. Обличение злоупотреблений крупных компаний привело в итоге к принятию антitrustовских законов, поставивших преграды монополистическим способам получения прибыли. Тогда компании, озабоченные созданием более благопристойного обществен-

ного имиджа, предприняли, в частности, целый ряд благотворительных акций с широкой публичной оглаской, которую обеспечивала именно филантропия.

Одновременно с увеличением масштабов благотворительности менялся ее стиль. Крупные филантропические организации хотели решать серьезные социальные проблемы: бороться не с последствиями нужды и бедствий, а с причинами, их вызывающими. Поэтому акцент делался не на непосредственную помощь нуждающимся, а на поддержку здравоохранения, социального обеспечения, образования. Такая политика, естественно, входит в противоречие с чувством милосердия, ведь, оказывая помощь, скажем, врачам и учителям, мы больше заботимся о будущих поколениях, чем о тех, которые страдают в данный момент. Но именно она стала наиболее типичной для крупных филантропических организаций XX в. и продолжается по сей день. Традиционные методы благотворительности и меценатства при этом не исчезли, а просто произошло определенное разделение сфер деятельности. Сейчас, наряду с крупными, существует огромное количество небольших благотворительных организаций, не исчезла и не поддающаяся никакому учету индивидуальная благотворительность. Именно многообразие типов, критериев и форм деятельности обеспечивает гибкость современной системы частной филантропии и позволяет удовлетворять разные виды потребностей.

Итак, на рубеже веков некоторые обладатели значительных состояний в Америке: Карнеги, Рокфеллер, Дьюк, Гугенхайм и другие — стали склоняться к мысли упорядочить филантропическую деятельность. Считается, что особое влияние оказала «Gospel of Wealth» («Проповедь богатым», 1900) стального магната Эндрю Карнеги, в которой он, в частности, убеждал направить благотворительность на решение социальных проблем. Сам Карнеги занимался созданием сети бесплатных публичных библиотек и школ. В 1902 г. он пожертвовал 10 млн. долларов в виде ценных бумаг своей компании на создание Института Карнеги (Carnegie Institution of Washington) для поддержки исследований и открытий при условии, что правительство выделит участок земли в Вашингтоне и будет курировать работу института. В 1911 г. Карнеги основал один из первых в Америке благотворительных фондов — Фонд Карнеги (Carnegie Corporation of New-York). Чуть раньше, в 1907 г., был сформирован Фонд Рассела Сейджа (Russell Sage Foundation), а в 1913 г. — Рокфеллеровский фонд (Rockefeller Foundation (RF)), о котором пойдет речь ниже. Эти фонды существуют и поныне, занимая среди американских фондов соответственно 13, 142 и 7 места в зависимости от размера капитала (по состоянию на 1987 г.). Всего же в США в 80-х гг. функционировало около 25 тыс. частных благотворительных фондов, чей суммарный капитал составлял примерно 20 млрд. долларов. С юридической точки зрения такие фонды относятся к некоммерческому сектору экономики, что дает им существенные налоговые льготы.

В то же время и в Европе стали появляться филантропические фонды, но широкое распространение они получили только после второй мировой войны*.

Филантропия Рокфеллера. Изменение отношения к науке

Джон Дэвисон Рокфеллер-старший (1839—1937) — первый крупный представитель династии. Оценка его личности колеблется от крайне отрицательной до сверхположительной: Рокфеллера называют то безжалостным дельцом, сколотившим огромный капитал на нефтяной монополии, то великим филантропом, озбоченным благом человечества. Благотворительная деятельность этого промышленного магната действительно была значительна, а ее главными направлениями

* Общую историю вопроса см. в [2]; историю отдельных фондов — в [3—5]. Справочные данные о фондах можно найти в [6, 7]; на русском языке некоторая статистика имеется в [8]. Обзор архивных материалов фондов см. в [9]. Вопрос «Наука и фонды» рассматривается в [10].

являлись здравоохранение и образование. В 1891 г. Рокфеллер пожертвовал 600 тыс. долларов на основание университета в Чикаго (University of Chicago); в 1901 г. организовал Рокфеллеровский институт медицинских исследований (Rockefeller Institute for Medical Research)*; в 1903 г. сформировал Общий совет по образованию (General Education Board (ГЕВ)) для содействия образованию в Соединенных Штатах, особенно на юге страны и среди чернокожего населения.

Самой существенной из его филантропических акций стало создание Рокфеллеровского фонда, целью которого провозглашалось: «...способствовать благосостоянию и развитию цивилизации народов Соединенных Штатов, их территорий и владений, а также других стран; содействовать в приобретении и распространении знаний, в предотвращении бедствий и оказании помощи; способствовать прогрессу человечества во всех направлениях» [5, с. 30]. Вероятно, из политических соображений Рокфеллер захотел, чтобы устав фонда был утвержден Конгрессом США и получил тем самым законодательное оформление и верховную санкцию. Прецедент тому уже существовал: Институт Карнеги был основан на деньги филантропа, но находился под контролем правительства. Несмотря на наличие оппозиции в Конгрессе, в 1913 г. RF был учрежден. Им руководил совет попечителей под председательством Джона Дэвисона Рокфеллера-младшего, а непосредственную работу осуществляли президент фонда и небольшой штат сотрудников. Основной деятельностью фонда стала поддержка здравоохранения и медицинского образования, борьба с эпидемиями в странах Африки, Азии и Латинской Америки и подготовка медицинских кадров. Особенно большое внимание уделялось Китаю. Помимо этого, RF выделял большие средства на развитие медицины в США, в частности в университете Джона Хопкинса.

Фундаментальная наука не относится к числу традиционных объектов благотворительности. Ее прямая практическая польза неочевидна, а роль в решении социальных проблем не такая непосредственная, как у здравоохранения и образования. До конца XIX в. поддержка научных исследований была в основном побочным эффектом поддержки образования. Профессора получали деньги за преподавание, а исследованиями занимались по совместительству, стимулом же для научной работы являлась, в частности, постепенно сложившаяся норма, что именно ученый, а не просто лектор может претендовать на профессорскую должность. В Европе университеты существовали главным образом за счет государственного бюджета, а в Америке — за счет частной благотворительности, но и там, и там это была поддержка образования, а не исследований как таковых. Идея, что даже чистую науку стоит специально финансировать, потому что это в итоге окупается, получила общественное признание лишь к концу XIX в., в результате чего стала постепенно развиваться система исследовательских институтов и возникла профессия научного работника — лица, получающего плату за научные исследования.

Новое отношение к науке проникало и в государственные канцелярии, и в частные филантропические организации. В Америке первыми такими организациями были уже упоминавшиеся Рокфеллеровский институт медицинских исследований и Институт Карнеги. Они не только финансировали работу ученых в собственных лабораториях, но и давали гранты другим исследовательским учреждениям. Институт Карнеги поддерживал преимущественно крупные коллективные проекты, требовавшие сотрудничества многих научных центров, скажем, строительство обсерватории Маунт-Вильсон или работу геофизической лаборатории в Вашингтоне. В Германии в 1911 г. при содействии как государства, так и промышленников было основано Общество кайзера Вильгельма, которое начало создавать исследовательские институты по разным областям естествознания**.

Несмотря на эти примеры, многие историки связывают перелом в отношении

* Теперь это Рокфеллеровский университет в штате Нью-Йорк.

** Оно существует и сейчас и носит название Общества Макса Планка. Это общество является аналогом нашей Академии наук.

к науке с первой мировой войной, которая продемонстрировала стратегическое значение таких научных и технических изобретений, как телеграф и радио, аэропланы и оптические приборы. Значительной милитаризации науки, которая началась после второй мировой войны, тогда еще не было, но, по крайней мере, ведущие государства озаботились созданием специальных органов для осуществления научной политики. В США такой организацией стал Национальный совет по исследованиям (National Research Council (NRC)), сформированный в 1916 г., накануне вступления страны в войну, по инициативе Национальной академии наук при поддержке президента Вильсона. Совет состоял из ученых, инженеров, промышленников и представителей государственных учреждений, включая военных, и был предназначен для координации исследований, как фундаментальных, так и прикладных, с целью содействия «национальной безопасности и процветанию» [11, с. 112].

Война повлияла и на политику RF, который решил распространить свою деятельность на фундаментальную науку. В начале 1918 г. по инициативе С. Флекснера (S. Flexner), директора лабораторий Рокфеллеровского института медицинских исследований и члена NRC, тогдашний президент фонда Дж. Винсент (G. Vincent) направил письмо нескольким видным американским ученым, прося их совета, касающегося возможной поддержки фундаментальных исследований в стране, необходимых для послевоенного экономического соревнования. Предполагалось, например, что фонд мог бы основать институт наподобие уже существовавшего медицинского института, но предназначенный для исследований по химии и физике. Разумеется, ученые приветствовали готовность фонда потратить деньги, но разошлись во мнениях, как это лучше сделать. Проекты создания централизованных учреждений, как правило, наталкиваются в Америке на серьезную критику. Так произошло и здесь. Президент Национальной академии наук астроном Дж. Хейл и физик Р. Милликен выступили против плана основания одного крупного института и предложили распределить средства между несколькими университетскими центрами. В конечном счете NRC выдвинул идею учредить стипендии (fellowships) для молодых талантливых ученых в области физики и химии, чтобы те могли приезжать в ведущие научные центры США и Европы и работать там. За реализацию этой идеи, в том числе за отбор кандидатов, взялся NRC, а фонд выделил на это 500 тыс. долларов на пять лет (см. [там же, с. 149—150]). Это была первая программа такого рода. В 1923 г., кроме физиков и химиков, стипендии могли уже получать математики и биологи, а затем астрономы, геологи и географы. Стипендиаты узнавали в Европе о новых научных направлениях, распространяли свои знания по стране, и во многом благодаря этому США постепенно преодолевали свое отставание в научной области.

Виклифф Роуз и Международный совет по образованию

В 20-х гг. функционировали сразу несколько благотворительных фондов, основанных Рокфеллером. Формально Рокфеллеровский институт медицинских исследований, Общий совет по образованию, Рокфеллеровский фонд и фонд, учрежденный в 1918 г. в память жены Рокфеллера (Laura Spelman Rockefeller Memorial), были независимы, каждый управлялся своим попечительским советом, но на самом деле между членами советов существовали достаточно тесные связи и велась координация деятельности этих организаций. В 1923 г. возник еще один фонд — Международный совет по образованию (International Education Board (IEB)), финансировавший науку по всему миру. Идея его создания принадлежала Виклиффу Роузу (Wickliffe Rose), деятельность которого была столь активной, что он на время стал, по выражению Кевлза, «главным банкиром научного мира» [там же, с. 192].

Роуз вырос в семье пастора, придерживавшегося фундаменталистских взглядов, и преподавал философию в Пибоди-колледже. Миссионер по складу характера, он реализовал эти свои психологические задатки в деле распространения не религии, а светского образования. Его служба в сфере рокфеллеровской фи-

лантропии началась в 1909 г. с руководства Санитарной комиссией по борьбе с нематодой на американском Юге. После создания RF эта комиссия была включена в него и преобразована в Международный совет по здравоохранению (International Health Commission, с 1916 г. — International Health Board). Уже тогда Роуз считал, что для улучшения ситуации в здравоохранении особое значение имеет распространение знаний и образования, и создал систему международных стипендий для приглашения медиков из разных стран в ведущие исследовательские центры. В 1922 г. ему предложили возглавить GEB. Он колебался, поскольку по уставу деятельность этого фонда была ограничена территорией Соединенных Штатов. Роуз уговорил Рокфеллера выйти на международный уровень, а так как добиться изменения устава действующего фонда сложнее, чем основать новый, то 12 января 1923 г. в штате Вирджиния был зарегистрирован специальный фонд — IEB. Роуз стал президентом обоих фондов, но больше внимания уделял последнему.

В конце 1923 г. он отправился в пятимесячную поездку по разоренной войной Европе, посетив около 50 научных центров в 19 странах, а вернувшись, представил совету попечителей фонда IEB «Схему содействия образованию на международном уровне». Несмотря на название, речь не шла о базовом образовании, а предлагалось поддерживать передовые научные исследования и содействовать распространению научных знаний в разных странах. Философ Роуз явно отдавал предпочтение естественным наукам. За всем этим стояла не только вера в полезность чистой науки, но и представление, что ее развитие коррелирует с развитием демократии. И то и другое было весьма актуально для тогдашней Европы: интеллектуальный климат, особенно в Германии после поражения в войне, был еще более антирационалистическим, чем в сегодняшних посткоммунистических странах, да и демократическая идея была менее влиятельной. Даже в Америке наивные прогрессистские и сциентистские взгляды Роуза казались несколько устаревшими, но он, по отзывам, обладал такой энергией убеждения и такими организаторскими талантами, что попечители согласились с его планом.

IEB сконцентрировал свое внимание на двух направлениях: Алберт Манн (Albert Mann) стал директором по сельскохозяйственным наукам, профессор физики Принстонского университета Август Траубридж (August Trowbridge) — директором по естественным наукам. Последний открыл контору в Париже, а помогал ему там Вилбур Тисдейл (Wilbur Tisdale). Вся работу в IEB выполняли несколько сотрудников, которые переписывались с учеными, ездили по Европе, готовили документы для заседаний совета попечителей, проходивших в центральной конторе в Нью-Йорке. Роуз так сформулировал основную идею программы: «Начать с физики, химии и биологии; отыскать продуктивных и влиятельных людей в этих областях; удостовериться, не захочет ли каждый из них воспитывать учеников из других стран; если да, то выяснить, сколько учеников он сможет принять одновременно; обеспечить, в случае необходимости, оборудованием для работы на желаемом уровне.

Предоставить стипендии одаренным студентам для международных поездок в центры обучения; ученики должны быть тщательно отобраны и подготовлены для дальнейшей их работы в собственной стране после завершения обучения» (цит. по [5, с. 167]). Конечно, в действительности все было не столь логично, как задумывалось. Сотрудники фонда, от которых во многом зависело, кто получит гранты и стипендии, больше полагались на людей, чем следовало установленным правилам. Список основных научных центров не был достаточно строгим, и стипендиаты разъезжали по самым разным местам. Но несколько наиболее важных проектов нельзя не отметить.

Одним из первых центров обучения стал университет в Копенгагене. Только что награжденный Нобелевской премией по физике Нильс Бор получил от IEB 40 тыс. долларов на оборудование и развитие Института теоретической физики. В последующие годы, вплоть до начала второй мировой войны, этот институт как магнит притягивал к себе физиков-теоретиков со всего мира, многие из которых приезжали туда, получив стипендии NRC (американцы) или IEB. Чтобы

войти в научное сообщество, нужно было посетить Мекку теоретической физики — Копенгаген. Копенгагенская школа занимала доминирующее положение в теоретической физике и определяла развитие квантовой теории примерно до конца 40-х гг. Ее главнейшие представители: В. Гейзенберг, П. Йордан, С. Гаудмит, Л. Д. Ландау, Г. А. Гамов — были стипендиатами RF (об этом подробнее см. в [12, с. 156—158; 13, с. 21—28]).

Кроме помощи Институту теоретической физики, ИЕВ и Отдел медицинского образования RF финансировали в Копенгагене строительство лаборатории физиологии для нобелевского лауреата Августа Крога и Института физической химии для Йоханнеса Брэнстеда.

Знаменитый Геттингенский университет получил от ИЕВ 80 тыс. долларов на развитие физических институтов и 275 тыс. долларов на строительство Института математики. Д. Гильберт, Р. Курант, Г. Вейль и Э. Нётер делали Геттинген ведущим центром мировой математики, но недолго длился расцвет университета: с изгнанием евреев и сочувствующих в 1933 г. Институт математики и два из трех физических институтов опустели (об этом см. в [14]).

На средства ИЕВ был основан Институт имени Анри Пуанкаре в Париже и Институт физики и химии в Мадриде, разрушенный во время гражданской войны в Испании. Фонд финансировал работы лаборатории низких температур в Лейдене, единственной тогда, где проводились эксперименты с жидким гелием; морской биологической станции в Плимуте; зоологической станции в Неаполе; биологической лаборатории Моргана в Калифорнийском технологическом институте — центра исследований по генетике; высокогорной исследовательской станции на Юнгфрауях в Швейцарских Альпах. В 1924 г. грант на ассистента-математика для работы над квантовой теорией получил Альберт Эйнштейн (см. [15]). Самый большой грант — 6 млн. долларов — ИЕВ выделил в 1928 г. на строительство мощного телескопа обсерватории Маунт-Паломар (Калифорния), завершившееся только после второй мировой войны, когда самого ИЕВ уже давно не существовало (см. [16]).

Расцвет деятельности ИЕВ приходится на 1924—1928 гг. В 1928 г. было решено, что различные фонды Рокфеллера недостаточно координируют свою политику и поэтому некоторые направления их работы пересекаются. В результате упорядочения филантропической деятельности Фонд памяти Лауры Спилмен-Рокфеллер был объединен с RF. И именно последний должен был заниматься финансированием науки. Роуз — единственный, кто выступал против такой реорганизации, и ему пришлось уйти на пенсию (об этом см. в [5, с. 156, 157, 161]). ИЕВ временно сохранился, но новых средств не получал и продолжал по инерции реализовывать свои программы, пока не исчерпал начальный капитал. Официально фонд был закрыт в 1938 г. За время своего существования он истратил чуть больше 18 млн. долларов и дал стипендии примерно 500 ученым.

Зато с 1928 г. начал работу Отдел естественных наук RF. Но тут стало очевидно, что, несмотря на вроде бы логичность реорганизации, она не смогла компенсировать уход одного конкретного человека. Политика Роуза состояла в поддержке проектов вне зависимости от области науки, лишь бы это была наука самого высокого класса. В RF подход традиционно был другим: существовала более тесная привязка к конкретным целям и тематическим программам. Переход к новым принципам произошел не сразу; несколько лет отдел работал без определенной стратегии, при часто меняющихся начальниках. В 1933 г. его возглавил физик из Висконсинского университета Уоррен Уивер (Warren Weaver), которого пригласил тогдашний президент фонда, математик Макс Мейсон (Max Mason). Вместе они выработали новую политику. В качестве приоритетной области финансирования была выбрана экспериментальная биология, использующая достижения и методы точных наук — физики, математики, химии. Новое руководство фонда считало, что биология становится самой актуальной областью естествознания, да и вообще она была ближе к практике и традиционным медицинским интересам фонда (об этом см. в [13, с. 171—182; 17, с. 198]).

RF реализовал еще много полезных проектов, но прежнего универсализма и размаха IEB уже не было. Основная поддержка оказывалась ряду биологов: Т. Х. Моргану, Ф. Р. Лилли и позже М. Дельбрюку. Ученые, работавшие в других областях науки, также могли добиться финансирования, сославшись на применимость своих результатов в биологических исследованиях. Так, получила грант химическая лаборатория Лайнуса Полинга в Калифорнийском технологическом институте. Пожалуй, особенно забавным выглядит сейчас то, что под видом полезных для биологии устройств создавались ускорители элементарных частиц. Изобретатель циклотрона Эрнест Лоуренс получил от RF часть денег для строительства мощного ускорителя, который был запущен в 1938 г. На деньги Рокфеллера также строились циклотроны в лабораториях Фредерика Жолио в Париже и Георга Хевеши в Копенгагене (см. [18]).

Переориентация политики фонда довольно существенно повлияла на ученый мир, поскольку по тогдашним меркам это были весьма крупные средства. Так, Аазеруд считает, что именно с этим связано изменение интересов Бора: вместо общих вопросов квантовой физики он стал заниматься конкретной программой теоретических и экспериментальных исследований по физике ядра. Еще одним отдаленным последствием этого, возможно, является становление молекулярной биологии как дисциплины (см. [19]).

В 30-е гг. политическая ситуация в Европе стремительно ухудшалась, и рокфеллеровские фонды все больше сосредоточивали свое внимание на Америке. Гранты все чаще стали получать американские институты, а международные стипендии все больше выдаваться для поездок в Америку. В 1933—1945 гг. была реализована программа помощи ученым — беженцам из Европы, благодаря чему около 300 человек нашло убежище за океаном.

В истории науки — физики, биологии, математики — первой половины XX в. мы нередко встречаем имена больших ученых, названия знаменитых институтов или выдающиеся достижения, которым в той или иной степени способствовала рокфеллеровская филантропия. Учитывая, что активная деятельность IEB длилась всего несколько лет и что многие ее результаты, включая развившееся в 20-х гг. международное сотрудничество в науке, были уничтожены мировой войной, нельзя не признать: средства вкладывались чрезвычайно удачно и филантропия оставила заметные следы. Ведут они и в советскую Россию.

Рокфеллеровский фонд и революционная Россия

«Единственной большой страной, с которой фонд не установил удовлетворительных отношений, была Россия», — констатировал в 1952 г. бывший президент RF Р. Фосдик (R. Fosdick) [5, с. 310]. Эта оценка, пожалуй, правильна, хотя и высказана слишком категорично. Вследствие, в первую очередь, политических причин масштабы деятельности фонда в СССР были не слишком велики, особенно если сравнить их с масштабами в других странах и принять во внимание остроту российского кризиса. Категоричность высказывания связана, по всей видимости, с тогдашней политической ситуацией — апогеем холодной войны, когда у фонда могли быть и дополнительные причины скрывать свои связи с Советским Союзом. Так, в вышедшем в 1951 г. справочнике о более чем 6000 стипендиатах фонда [20] имен советских ученых нет, а перечислено только 15 человек, названных «выходцами из СССР», — это в основном те, кто остался работать на Западе, причем половина из них вообще приехала из балтийских республик.

Схожую оценку дает современный историк Т. Розенбаум: «Реакция рокфеллеровской филантропии указывает на то, что важные политические события [в Советском Союзе] ставили сотрудников фонда в затруднение. <...> Рокфеллеровский фонд и Международный совет по образованию реагировали очень сдержанно на нужды молодого советского общества и с опасением и враждебностью — на его политику. <...>

Когда сотрудники фонда изучали и обсуждали нужды советского общества,

они писали и о политическом устройстве и идеологии, а это было отклонением от складывавшегося тогда подхода к филантропической деятельности как свободной от явных политических расчетов» [21, с. 13].

Для коммунистического правительства сотрудничество с фондом также было осложнено политическими предубеждениями. В первую очередь потому, что марксизм отвергает филантропию как средство решения социальных проблем. С точки зрения классового подхода филантропия — это обман и попытка путем исправления отдельных вопиющих недостатков отвлечь внимание от кардинальных революционных методов решения проблем. К тому же само имя Рокфеллера было чуть ли не нарицательным, обозначающим классового врага. Эти политические предубеждения, несомненно, осложнили взаимодействие, но, как мы увидим, оно все же состоялось, хотя и не в очень больших масштабах.

Российский кризис, вызванный мировой войной, революцией и гражданской войной, был в то время, безусловно, одним из самых острых в мире, и игнорировать его было просто нельзя. Первые попытки сформулировать политику фонда в отношении России отражены в документах, приведенных в прил. 1—3. Кажется, что они противоречат друг другу, но это только по вопросу оказания чрезвычайной помощи. Первый из них — письмо президента RF Винсента председателю совета попечителей Рокфеллеру-младшему — датируется 1921 г., когда еще только обсуждалась идея распространения на Россию деятельности комиссии Гувера, которая во время первой мировой войны и сразу после нее занималась помощью беженцам и распределением продовольствия в Бельгии и Франции. Тогда фонд отказался участвовать в проекте, предоставив действовать американскому правительству. Документ, публикуемый в прил. 3, появился в начале 1923 г., когда АРА (American Relief Administration (ARA))* уже развернула работу по оказанию помощи голодающим и борьбе с эпидемиями в России, а один из рокфеллеровских фондов — Фонд памяти Лауры Спилмен-Рокфеллер — предоставил ей весьма значительную сумму на посылку медикаментов, помощь голодающим в России и помощь русским беженцам в Константинополе**.

На изменение линии поведения фонда, похоже, действительно повлияли политические соображения. В прил. 3 говорится довольно прямо, что «нынешнее правительство, вероятно, останется у власти», а надежды на улучшение ситуации в России связываются не со сменой власти, а с «появлением новых людей и принятием новых идей имеющимся правительством». Фонд, вступая в контакты с более либеральными советскими наркоматами — просвещения и здравоохранения, — а также назначая зарубежные стипендии, вероятно, преследовал и эту цель, помимо собственно филантропической.

В остальном же документы схожи. Своей главной задачей фонд считал не непосредственную помощь нуждающимся, а «конструктивную помощь» (см. прил. 3), под которой подразумевалась подготовка профессиональной элиты (для медицины и здравоохранения — в RF, науки и сельского хозяйства — в ИЕВ) и улучшение условий ее работы, что, по мнению филантропов нового поколения, создаст более прочную основу для решения социальных проблем общества. Этим и определялась политика фонда в отношении СССР. Именно такой она была в последующие годы, когда вместо чрезвычайных мер стала вестись нормальная работа (см. прил. 4): это финансовая поддержка профессоров и студентов как в эмиграции (Русский студенческий фонд, ИМКА***), так и в Советском Союзе (Фонд студенческой взаимопомощи****); это и зарубежные стипендии молодым ученым, причем преимущество отдавалось советским специалистам, а не эмигран-

* Американская администрация помощи

** Согласно Р. Фосдику (см. [5, с. 310]), было предоставлено 785 тыс. долларов, а согласно документу в прил. 4, — около 1 млн. 200 тыс. долларов

*** Russian Student Fund; YMCA (Young Men's Christian Association).

**** Student Friendship Fund.

рантам, и фонд был не в восторге, если оказывалось, что кто-то из стипендиатов не собирается возвращаться в СССР.

Другое традиционное направление рокфеллеровской филантропии — помощь научным центрам и лабораториям — в случае СССР практически не развилось. Очевидно, было принято решение ограничиться стипендиями отдельным ученым. Так, в 1923 г. была отклонена просьба И. Л. Кричевского о финансовой поддержке Бактериологического института в Москве, а в 1926 г. — К. Д. Глинки о помощи в создании экспериментальной почвенной станции в Ленинграде (см. [22, 23]). В качестве предлога указывалось, что сначала необходимо, чтобы представитель фонда посетил страну и ознакомился с ситуацией на месте. Это была обычная практика, но в данном случае сотрудники фонда явно не торопились приехать в СССР. Впрочем, помощник директора Отдела медицинского образования RF А. Грегг (A. Gregg) посетил страну в 1927 г., но «ничего не материализовалось, кроме двух-трех стипендий и небольшого количества лабораторного оборудования для Института гигиены» [5, с. 311].

Это опять слишком категоричное заявление, ибо мы располагаем неполным списком тех небольших грантов (в основном на приобретение лабораторного оборудования и литературы), которые получили ученые в СССР (см. прил. 5). Но в целом верно, что серьезных затрат на помощь институтам в Союзе не производилось.

Назначение стипендий ученым не требовало поначалу никаких непосредственных контактов между ИЕВ и официальными советскими органами. Отдельно решался вопрос о присуждении стипендии (сторонами здесь выступал фонд, сам кандидат, а также в качестве рекомендателя кто-то из его старших и признанных коллег) и отдельно — вопрос о разрешении на выезд из СССР, который оформлялся как научная командировка. Такие командировки за границу в 1923—1932 гг. были бюрократически хлопотным, но все же вполне распространенным явлением, и о многих ученых того поколения известно, что они ездили за рубеж по линии Академии наук или соответствующих наркоматов, в том числе на довольно длительные сроки*. Конечно, существовала конкуренция в получении необходимых для этих командировок средств, но для рокфеллеровских стипендиатов эта проблема отсутствовала. Однако им все равно нужна была протекция кого-то из высших представителей советской научной иерархии: директоров институтов или ученых, приближенных к руководству наркоматов.

В отличие от ИЕВ, RF вступал в прямые контакты с официальными советскими органами. Так, в письме Р. А. Ламбера (R. A. Lambert) С. П. Даггену (S. P. Duggan) от 20 января 1934 г. содержится следующая информация: «...в 1928 г. было достигнуто соглашение с Наркомпросом (Комиссариатом образования) и Наркомздравом, по которому ежегодно будет предоставляться десять зарубежных исследовательских стипендий для кандидатов, выдвинутых этими двумя комиссариатами. Когда в 1931 г. все медицинские факультеты были переданы Наркомздраву, к нему перешли все десять стипендий. <...> С тех пор как в 1928 г. началось сотрудничество, число кандидатов не достигало и половины того, на что надеялся фонд, к тому же часть из них не воспользовалась стипендиями, по-видимому, потому, что они не смогли получить разрешения на выезд» [25].

Как видно из прил. 11 (списка несостоявшихся стипендиатов), проблемы с выездом возникли одновременно у многих кандидатов, утвержденных в конце 1932 г. Это говорит о том, что в недрах советской системы произошло изменение в отношении к поездкам за границу, причем это касалось не только рокфеллеровских стипендиатов. О деталях принятия этого решения известно пока крайне мало, но фактом является резкое свертывание всех международных контактов с 1933 г., вплоть до их полного прекращения к 1937 г. Общей тенденцией политики стал изоляционизм и подготовка к войне.

Естественно, свертывались контакты и с RF. Последние востребованные сти-

* Правила оформления командировок см. в [24].

пендии были присуждены осенью 1932 г., а последние не востребовавшие — весной 1934 г. Тогда же были даны и последние гранты на приобретение оборудования (см. прил. 5). В 1935 г. фонд официально известили об отсутствии необходимости в продолжении программы предоставления стипендий, «поскольку правительство само будет выделять необходимые средства» (см. отчет о помощи Рокфеллеровского фонда России от 6 мая 1936 г. [26]). Медицинская же литература посылалась до 1936 г. включительно.

Сотрудник фонда, посетивший СССР летом 1935 г., считал, что «в ближайшее время полезность фонда в России будет значительно ограничена» [там же]. Он описал ситуацию примерно так.

Советские ученые спрашивают о возможности получить стипендию и не знают о том, что предыдущим стипендиатам не удалось выехать за границу. Иностранные ученые, совсем недавно с легкостью находившие работу в Союзе, теперь сталкиваются со все большими трудностями в получении въездных виз и разрешения на работу. Похоже, что правительство хочет создать особую «советскую науку». С официальными лицами контактов установить не пытался: после убийства Кирова они боятся проявлять самостоятельность. Даже опасаются получать гранты. Так, когда обсуждался вопрос о приобретении нового сильного микроскопа для американского генетика Г. Дж. Мёллера, работающего в институте Вавилова, «Дозорцева, цитолог и член партии, забываясь о том, чтобы аппарат был получен, спросила у Мёллера, нельзя ли получить его напрокат. Похоже, они боятся что если примут подарок, то мы будем пытаться контролировать исследование» [там же]. В то же время материальные условия для научной работы значительно улучшились. В отличие от охваченного великой депрессией Запада здесь государство финансирует науку (точнее, капитальное строительство и оборудование) весьма щедро. «Даже максимум, что RF мог бы сделать в России, был бы лишь каплей по сравнению с огромным нынешним финансированием, по крайней мере в бумажных рублях» [там же].

Последнюю точку в контактах ставит визит в СССР в 1936 г. С. М. Ганна (S. M. Gunn) (см. прил. 6). И хотя нежелание властей сотрудничать объясняется в документе, приведенном в прил. 6, плохим отношением к Рокфеллеру, в действительности оно было лишь частным проявлением общей политики ксенофобии. Инициатива разрыва связей явно исходила от советской стороны, но и фонд, похоже, не слишком настаивал: «Я полностью согласен с Вашей отрицательной реакцией на это предложение*». Обман — это не тот товар, которым мы торгуем, и, если советское правительство находит невозможным по политическим причинам принять средства на научные цели от Рокфеллеровского фонда, мы не собираемся изобретать никаких окольных путей для облегчения его страданий», — отвечал Ганну Фосдик [там же]. А из Парижа О'Брайен (O'Brien) добавлял: «Уже несколько лет, как мы приняли политику вежливого интереса, регулярных визитов и сочувственного понимания проблем без какого-либо настаивания на сотрудничестве, и я думаю, это разумный подход. Интересно будет посмотреть, что изменится вследствие недавнего разгрома Сталиным оппозиционной партии» [там же].

С тех пор контакты прекратились вплоть до 1944 г., когда несколько советских медиков посетили США, а во Всесоюзный институт экспериментальной медицины было послано оборудование. Впрочем, тогдашнее потепление длилось совсем недолго и сменилось шизофренией холодной войны.

Как присуждались стипендии

В архиве RF сохранились учетные карточки стипендиатов, на основе которых составлены прил. 9—11. В них приведены почти все обнаруженные данные. Многие из стипендиатов стали впоследствии весьма знамениты, и биографические

* Речь идет об оказании помощи через Лигу Наций.

сведения о них легко найти в разных справочниках. Другие остались сравнительно безвестными, и узнать об их дальнейшей судьбе не так просто. В документах фонда, как правило, отражено, куда ученый вернулся после окончания стипендии, и иногда указано, где он продолжал работать через несколько лет. Кроме учетных карточек сохранились также личные дела некоторых стипендиатов, в которых содержатся документы и переписка о присуждении стипендии и работе ученых. Я не буду здесь рассказывать их биографии, а только приведу несколько показательных примеров для иллюстрации самого процесса поиска кандидатов, критериев отбора и типичных вариантов карьеры*.

В рокфеллеровских фондах было своего рода разделение труда. Так, ИЕВ предоставлял стипендии ученым и преподавателям без национальных ограничений по сельскому хозяйству, математике, физике, химии и биологии; Отдел медицинского образования RF — по химии, биологии и медицине в тех странах, с которыми у него было налажено сотрудничество; Международный совет по здравоохранению RF — стипендии по здравоохранению; а Фонд памяти Лауры Спилмен-Рокфеллер — по общественным наукам. Правила предоставления стипендий были, в общем, схожи. Для ИЕВ они были разработаны в 1924 г. Целью провозглашалась «подготовка лидеров в выбранных областях», и поэтому стипендия назначалась лишь лицам «с исключительными способностями» [28]. Претендовать на стипендии могли активно работавшие ученые, как правило не старше 35 лет и обычно имевшие какой-то аналог ученой степени. (Эти стипендии в каком-то смысле похожи на нынешние *postdoctoral fellowships*.) Стандартная процедура выдвижения состояла в том, что заполненную кандидатом анкету направлял в фонд кто-то из видных ученых, часто — научный руководитель кандидата. Вторым ее должен был подписать и тем самым поддержать выдвижение тот ученый, к кому кандидат намеревался поехать. Стипендия выдавалась только для работы за границей. Она обычно составляла от 120 до 180–200 (для женатых) долларов в месяц. К этому добавлялись расходы на дорогу и научные исследования. По окончании стипендиат должен был написать отчет о проделанной работе (см. [28]).

Критерии отбора лучше всего видны на примере отказов. Конечно, официальная мотивировка не всегда была правдива, а правила, на которые ссылались, в отдельных случаях могли и нарушаться, но все же можно выделить некоторые наиболее распространенные мотивы отказов. Вот некоторые цитаты: «Совет не рассматривает индивидуальные просьбы, а рассматривает только представления нескольких видных ученых, которые берут на себя ответственность за выдвигаемого ими кандидата», «Совет... поддерживает международные обмены. Мы считаем, что для работы ученого в собственной стране должны находиться средства из внутренних источников», «Совет не предоставляет стипендии для завершения работы над диссертацией», «стипендии даются продуктивным ученым, которые уже продемонстрировали исключительные способности и которые обещают внести важный вклад в науку», «отказано из-за возраста — 41 год» [28, 29].

Для большинства русских стипендиатов год за рубежом был определенной вехой в их биографии, и можно выделить, в общем-то, три альтернативы: стипендия как подспорье для последующей научной карьеры в СССР, стипендия как средство для эмиграции из Советского Союза, а также стипендия для уже живших в эмиграции. Первый вариант был наиболее распространенным.

Программа ИЕВ была международной, и, по крайней мере формально, не существовало ограничений или квот, связанных с национальностью. Но в силу как географической, так и политической отдаленности кандидаты из СССР были не в самом выгодном положении. По утвержденным правилам, ИЕВ не рассматривал заявки от самих кандидатов — выдвигать их мог лишь кто-то из крупных ученых. Больше всего Роуз полагался на личные контакты: он совершил поездку по

* Биографические сведения о физиках см. в [27]. Нужно только отметить, что приведенный авторами статьи [27] список физиков и математиков не совсем полон, к тому же они почему-то замалчивают «неприятные» факты, например отказ Тамму, конфликты и политические трения.

европейским университетам, а также основал контору в Париже, в частности чтобы познакомиться с учеными и выбрать из них тех, чьим рекомендациям можно доверять в первую очередь. Потенциальные кандидаты из Союза, таким образом, нуждались в протекции европейских или американских ученых, которые обычно знали в СССР только известных ученых старшего поколения. Формальному выдвижению кандидатов, как правило, предшествовали неформальная переписка или беседы между ними.

Для физиков «палочкой-выручалочкой» в основном был Пауль Эренфест, а с советской стороны — директор Ленинградского физико-технического института Абрам Федорович Иоффе. Эренфест, по происхождению австрийский еврей, был женат на русской и прожил несколько лет (с 1907 по 1912 г.) в Петербурге, а потом получил место профессора в Лейденском университете и переехал в Голландию. Он сохранял связи с петербургскими физиками и математиками и, будучи известным физиком-теоретиком, заботился о становлении этой дисциплины в России. Первым съездил к нему в Лейден Ю. А. Крутков еще в 1913 г. С началом первой мировой войны все контакты прервались, и лишь осенью 1920 г. Эренфест получил весточку из России от своего друга и коллеги Иоффе и в ответе сразу предложил: «Нам нужно каким-либо образом организовать поездку на год к Бору какого-либо теоретически особо одаренного молодого парня (Семенов, Прокофьев?!). Быть может(?), сначала на непродолжительное время ко мне, если он будет еще нуждаться в некоторой подготовке для того, чтобы иметь возможность начать непосредственно интенсивную работу под руководством Бора. Бор для новичков-теоретиков довольно-таки труден. Но за 2—3 месяца я бы такого парня к этому подготовил. Я глубоко убежден, что Бору и мне удалось бы обеспечить претендента необходимыми средствами на поездку и один год пребывания — при гарантированном условии, что он будет очень разумным, энергичным и милым человеком» [30, с. 149].

В следующем году А. Ф. Иоффе вместе с П. Л. Капицей были откомандированы за границу для покупки научной литературы и приборов и для восстановления прерванных контактов, и Эренфест активно содействовал им в этой поездке, в том числе в получении виз*. О международных стипендиях ИЕВ Эренфест узнал в 1924 г., когда Роуз посетил Европу. Первым стипендиатом, приехавшим работать к нему, стал итальянец Энрико Ферми. А в сентябре 1924 г. Эренфест чуть ли не первым из западных ученых побывал в России, где принял участие в IV съезде русских физиков в Ленинграде. Вернувшись, он представил к стипендии ИЕВ двух молодых ленинградских теоретиков: Я. И. Френкеля и Ю. А. Круткова**. Оба они получили стипендии и провели в Европе год (уехав туда осенью 1925 г.). В частности, они работали у М. Борна в Геттингене и В. Паули в Гамбурге — там, где как раз в то время создавалась квантовая механика (см. [32, 33]). Для распространения фундаментальных теорий очень важны личные контакты; рокфеллеровские стипендии оказались в данном случае одним из главных каналов проникновения идей квантовой механики в СССР.

Чуть меньше чем через два года после представления первых двух теоретиков Эренфест выдвинул кандидатуры В. А. Фока из Ленинграда и И. Е. Тамма из Москвы. И тот, и другой уже имели опубликованные в немецких журналах работы по квантовой механике. Эренфест, ссылаясь на А. Ф. Иоффе и Л. И. Мандельштама, заверил фонд, что по окончании стипендии оба кандидата получат

* Советским гражданам тогда было очень сложно получить визы западных стран. Так, в 1923 г. RF отказался быть посредником в получении визы для поездки в США академика П. П. Лазарева («из-за нынешнего отношения нашего правительства» [22]). В то же время из-за трудностей с получением виз RF не дал русским стипендии для работы в Рокфеллеровском институте медицинских исследований (см. там же). А когда Иоффе в конце 1925 г. попросил американскую визу, его поначалу заподозрили, что он является известным большевиком с той же фамилией (см. [31]).

** Тогда же Эренфест написал Милликену, прося его помочь Иоффе, приехать на пару месяцев в США (см. [27, с. 108—110]). Эта просьба, подержанная американским физиком, тоже попала в ИЕВ, но в ней было отказано (см. [32]), о чем Френкель и Джозефсон (см. [27]) почему-то умалчивают.

работу по специальности в России. Как и раньше, вторым подписавшим анкету был М. Борн. Но в беседе с сотрудником фонда он заметил, что, если судить по публикациям молодых ученых, кандидатура Фока выглядит предпочтительнее. Это замечание было, пожалуй, справедливым, но тактически неправильным. В декабре 1926 г. фонд присудил годовичную стипендию для пребывания в Геттингене у Борна только Фоку*. Эрэнфест решил исправить ошибку и добился для Тамма стипендии Фонда Лоренца при Лейденском университете. Тамм провел там первую половину 1928 г., учась не только у Эрэнфеста, но и у посетившего Лейден Дирака (об этом см. в [32, 35—37]).

Вскоре Иоффе установил контакты с фондом напрямую, а не через Эрэнфеста и получил возможность самому выдвигать кандидатов. Беседуя с Роузом в феврале 1926 г. во время своей поездки в Америку, он утверждал, что советское государство весьма щедро финансирует институты, что в них в основном не хватает квалифицированных научных кадров и что это можно преодолеть, помогая стипендиями молодым ученым. В декабре того же года в Лейдене Иоффе и Эрэнфест встретились с Траубриджем (см. [36, 38]). На этой встрече им сообщили о некотором изменении в процедуре: решение о присуждении стипендии должно приниматься лишь после личной встречи кандидата с сотрудником фонда. Для советской стороны это создавало дополнительные, чисто бюрократические, сложности. Кандидаты должны были теперь сначала получить командировки на средства советских органов: Наркомпроса или ВСНХ, — затем приехать в Европу и уже там решить вопрос о стипендии. Роль Иоффе по-прежнему оставалась важной, потому что из всех советских физиков только он пользовался наибольшим авторитетом в наркоматах. По всей видимости, именно он выбрал следующих двух кандидатов и выхлопотал им командировки. К. Д. Синельников в 1928 г. поехал в Кембридж и через несколько месяцев по рекомендации Э. Резерфорда и П. Л. Капицы получил стипендию ИЕВ. Тогда же Д. В. Скобельцын съездил на месяц в Париж, затем вернулся в Ленинград и дождался решения фонда. Рекомендовали его А. Ф. Иоффе и М. Кюри (см. [39, 40]).

Следующие кандидаты рассматривались уже не ИЕВ, а RF. Г. А. Гамов в 1928—1929 гг. был в Геттингене и Копенгагене на средства Наркомпроса, а затем датского Фонда Раска-Эрстеда. Перед возвращением Гамова в Ленинград Бор позвонил ему с сотрудником фонда Вилбуром Тисдейлом. Официальное представление Гамова было подписано А. Н. Крыловым и Ю. А. Крутковым и поддержано рекомендательными письмами Э. Резерфорда и Р. Г. Фаулера (см. [41]).

Не известно, кто выдвинул кандидатуру Л. Д. Ландау, поскольку его личное дело в архиве фонда не сохранилось, а осталась только регистрационная карточка, в которой есть фраза из рекомендательного письма Я. И. Френкеля (см. [42]). В сентябре 1929 г. Ландау поехал по командировке Наркомпроса в Лейпциг к В. Гейзенбергу. Вопрос о рокфеллеровской стипендии, вероятно, обсуждался заранее, потому что почти сразу по приезду в Германию он встретился с сотрудником фонда. Рокфеллеровская стипендия продлила его поездку по Европе: в апреле 1930 г. он был на конференции в Копенгагене, затем стажировался в Кембридже у П. Дирака (с 19 мая по 14 сентября 1930 г.), после чего вернулся в Копенгаген, а с января до середины февраля 1931 г. был в Цюрихе у В. Паули. Проведя некоторое время в Копенгагене, 10 марта 1931 г. он возвратился в Ленинград.

На примере физиков мы видим, что выдвижение было организованным и что оно в основном находилось под контролем Иоффе и Эрэнфеста, а они представляли кандидатов дозированно и регулярно, в порядке определяемой ими очередности. Очевидно, они были заинтересованы, чтобы стипендиаты возвращались, потому что иначе осложнилась бы посылка следующих. Так, по репутации Иоф-

* Отчет Фока о поездке см. в [34].

фе в советских учреждениях большой удар нанес Гамов, не вернувшийся из командировки на Сольвеевский конгресс в конце 1933 г*.

Что-то похожее, но в меньших масштабах, существовало у московских математиков школы Д. Ф. Егорова и Н. Н. Лузина. Первыми кандидатами были П. С. Урысон и П. С. Александров. Вначале летом 1923 г. они отправились в Европу, в Геттинген, на собственные средства, заработанные публичными лекциями по теории относительности, и познакомились там с виднейшими математиками. Следующим летом они посетили в Голландии Л. Э. Я. Брауэра, который представил обоих к рокфеллеровской стипендии. Через месяц Урысон трагически погиб, купаясь в океане в Бретани. Александров же больше трех лет (с мая 1925 г. по октябрь 1928 г.) работал за границей: в Амстердаме, Геттингене и Принстоне, — из них два года по стипендии ИЕВ (см. [28, 44]).

Помимо других молодых представителей московской математической школы (Д. Е. Меньшов, Н. К. Бари), сам мэтр Н. Н. Лузин воспользовался стипендией, хотя ни по возрасту (43 года), ни по статусу (ученый с мировым именем и прочным положением) он не мог претендовать на нее (см. выше о критериях отбора). Поэтому ему сначала отказали, несмотря на представление А. Лебега и Э. Бореля и письмо А. Траубриджа в его поддержку. Но последний попросил рассмотреть кандидатуру еще раз, и совет попечителей фонда пошел навстречу: через год, в июне 1927 г., Лузин стал стипендиатом**.

Первым и классическим невозвращенцем был ленинградский математик А. С. Безикович. Его рекомендовал фонду копенгагенский профессор Харальд Бор (брат физика Нильса Бора) в августе 1924 г., опять же при посредничестве Эренфеста***. Из имеющихся документов нельзя заключить, планировалась ли эмиграция заранее, хотя, вероятно, было именно так. Безикович просил стипендию сразу на два года, но получил, как и все, только на один — в декабре 1924 г. Очевидно, разрешение на выезд из СССР задерживалось. В марте 1925 г. он нелегально перешел латвийскую границу и отправился в Копенгаген. Когда больше половины срока стипендии прошло, он попросил о ее продлении. Ученый получил стипендию в ответ на обещание, что предпримет все усилия, чтобы вернуться в Ленинград. Контакты с советскими посольствами, однако, ни к чему не привели: нелегальный переход границы формально делал Безиковича эмигрантом. При поддержке английского математика Дж. Харди Безикович сумел найти место лектора в университете Ливерпуля, а через год — в Кембридже, где он и проработал до выхода на пенсию (об этом см. в прил. 7, а также в [47, 48]).

В случае с Безиковичем, так же как и в более позднем случае с биологом и генетиком Ф. Г. Добржанским, фонд был не в восторге от их решения остаться и старался в будущем иметь меньше таких стипендиатов. По контексту обсуждения кандидатуры В. И. Павлова, сына великого физиолога, чувствуется, что причиной отказа в стипендии были не только его возраст и малоизвестные научные достижения в области физики, но и подозрение, что он собирается использовать стипендию для того, чтобы эмигрировать (см. [29]). Но раз уж так произошло, что стипендиат не мог или не хотел вернуться, не в интересах фонда было, чтобы он бросил науку, и, случалось, ему помогали советами или продлением стипендии. Добржанскому, например, сначала отказали в продлении стипендии на второй срок, но под сильным давлением профессора Т. Х. Моргана

* С RF это связано не было. Но на просьбы о предоставлении Гамову второй стипендии фонд отвечал отказом, точнее, требовал заверений, что ученый затем вернется в СССР (см. [43]).

** Он получил обычную стипендию ИЕВ, а не профессорскую (см. [45]), как написали Френкель и Джозефсон в [27].

*** Скорее всего именно к Безиковичу относится следующая запись разговора одного из сотрудников (самого Роуза?) с Эренфестом: «Обратил внимание на великолепного русского математика, который был профессором в Петрограде. Он недавно лишился своего места из-за действий нынешнего советского правительства. Предпринимаются усилия, чтобы привлечь внимание к его судьбе математиков Западной Европы и дать ему один или два года, пока условия в России не улучшатся» [46].

пересмотрели решение. Затем Добржанский был принят на работу в Калифорнийский технологический институт и стал впоследствии одним из знаменитейших американских биологов (см. [49]).

Не всем удалось устроиться столь благополучно. Некоторые из оставшихся, по-видимому, ничем особенным себя не проявили, и их следы затерялись. Наиболее трагичен случай с астрономом П. Я. Давидовичем. Он получил стипендию в 1925 г. для поездки в Гарвард, она была затем продлена еще на год, после чего Давидович остался в США, но, не найдя места по специальности, работал в лаборатории стандартизации компании «Дженерал электрик». По причине психического заболевания он был госпитализирован, и поскольку за несколько месяцев его состояние не улучшилось, а право на постоянное жительство он получить не успел, то в апреле 1929 г. был депортирован из страны, отправлен к родственникам в СССР и умер в Москве в 1931 г. (см. [50]).

К обращающимся за поддержкой русским эмигрантам фонд относился достаточно сдержанно, считая своей задачей распространение знаний из наиболее развитых научных центров в новые, а не содействие эмиграции ученых туда, где наука и так развита. Роуз просто не советовал подавать заявления, как в случае с Антоновым, бывшим учеником Резерфорда (см. [23, 36]).

Будущий знаменитый социолог Питирим Сорокин имел в 1925 г. только половинную ставку профессора в университете Миннесоты, а его жена защитила там диссертацию по биологии. Декан биологического факультета обратился к Роузу с просьбой поддержать ее, но в ответ получил весьма необнадлежающее разъяснение, что «стипендии предоставляются исключительно в интересах развития международной науки, а не как помощь отдельным работникам, поэтому Совет не рассматривает в качестве причины личные трудности просителя в его стремлении к продолжению обучения или поисках подходящего места. Учитывая, что профессор и госпожа Сорокины являются русскими беженцами, мы бы хотели знать, имеются ли возможности для их возвращения в Россию, а в случае если они не собираются возвращаться, смогут ли они найти себе место последующей работы. Совет не собирается никоим образом принимать определенные обязательства, которые могут иметь тенденцию превратиться в долговременные» [51].

Г. Б. Кистяковский эмигрировал из России в 1921 г., окончил университет в Берлине и там же защитил диссертацию по физической химии. В процессе поиска работы в Германии он написал письмо в ИЕВ с просьбой о поддержке. После разъяснения, что самовыдвижения не рассматриваются, все было оформлено по правилам: Кистяковского выдвинул профессор М. Боденштейн (M. Bodenstein) и поддержал ведущий немецкий физикохимик В. Нернст, которые просили о стипендии для работы Кистяковского в Принстоне у Г. С. Тейлора (H. S. Taylor). Сотрудники фонда считали Кистяковского русским гражданином и только по его прибытии в Америку узнали, что он имеет нансеновский паспорт эмигранта (см. прил. 8). Возвращаться ученому было некуда, и фонд постарался помочь ему. Отзывы о его работе в Принстоне были самыми положительными, и Кистяковскому продили стипендию еще на год. Срок его визы истекал, и он должен был покинуть США. Фонд и Принстонский университет хлопотали о нем в иммиграционных службах, университет принял его на работу, и 18 марта 1928 г. уже в качестве необходимой формальности Кистяковский выехал в Канаду за получением новой визы, дающей право на жительство в США (см. [52]).

Другим знаменитым впоследствии эмигрантом был астроном Отто Струве, окончивший в 1919 г. Харьковский университет, затем принявший участие в гражданской войне на стороне белых и оказавшийся в США в 1921 г. Когда Струве обратился в ИЕВ, он уже работал преподавателем астрофизики в университете Чикаго, но еще не имел американского гражданства. Фонд некоторое время колебался: рассматривать ли Струве как иностранца или считать его американцем, и в итоге присудил ему грант для поездки в астрономические обсерватории запада США (см. [53]).

Мораль

Когда я писал этот текст, то, конечно, тешил себя надеждой, что рассказ об одной успешной филантропической программе может оказаться полезным для сегодняшней ситуации. Наука долгое время была у нас делом исключительно государственным, но сейчас она начинает искать и другие источники финансирования. Филантропия же, по-видимому, будет развиваться, потому что растут состояния. И наверное, как и в других странах, возникнут программы, ориентированные на решение долговременных социальных проблем, а не только на сиюминутную помощь нуждающимся. Мораль — в смысле рецептов успеха — из истории вывести трудно, она дает нам скорее дополнительную информацию, новые идеи. Опыт других бывает полезно учитывать, когда обдумываешь и принимаешь решения.

Опыт ИЕВ и RF прежде всего показывает непредсказуемость последствий. Кто же мог знать, какие из проектов будут уничтожены разрушительной политикой. И кто мог предвидеть, скажем, что поддержка института Бора заложит основу копенгагенской школы квантовой теории или что весьма незначительные затраты на стипендии русским ученым окажутся столь важными для советской теоретической физики, которая позже будет иметь такое большое общественное значение из-за работ над бомбой. Эта область тогда еще только формировалась и была такой узкой, что на протяжении последующих нескольких десятилетий фактически контролировалась примерно четырьмя лидерами: Ландау, Таммом, Френкелем и Фоком. Трое из них были рокфеллеровскими стипендиатами, и год, проведенный за границей, сделал их полноправными членами мирового сообщества. Поэтому даже в период изоляции теоретическая физика в СССР продолжала развиваться в русле мировой науки. Похожее могло случиться и с генетикой, но биологов существенно больше, и несколько стипендиатов вряд ли могли определить направление ее развития. К тому же Агол и Левит были замешаны в политику и репрессированы в годы большого террора, а Карпеченко арестован вслед за Вавиловым в 1941 г.

Теперь, как и раньше, нельзя предугадать, какие из попыток что-то сделать останутся втуне, а какие неожиданно приведут к отдаленным и важным последствиям. Но это, конечно, не останавливает эти попытки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Соображения о помощи России*

«...Вопрос о помощи России неформально обсуждался вчера на заседании исполнительного комитета. Присутствовали д-р Батрик**, г-да Роуз, Фосдик и Страус**.

Даже в предположении, что организация г-на Гувера сможет работать в России в удовлетворительных условиях, в нашей группе преобладает резко отрицательное отношение к какому-либо участию фонда в оказании чрезвычайной помощи. Наши основные аргументы следующие:

1. Чрезвычайная помощь России не может быть убедительно представлена как продолжение военной программы. Это должен быть новый проект, похожий на аналогичный проект помощи Китаю в борьбе с голодом, в котором, как Вы помните, фонд не участвовал.

2. Единственная разумная политика фонда в зарубежных странах — придерживаться стратегии конструктивного взаимодействия в области медицинского образования, подготовки персонала для здравоохранения... Для этого потребуются на длительный период времени все имеющиеся средства фонда. Включение в работу по оказанию чрезвычайной помощи может стать серьезным прецедентом и обяжет фонд либо начать вводить индивидуальные критерии, либо отвлекать средства от основных целей фонда.

3. Русский кризис настолько глубокий, что только государственная помощь и только в самом широком масштабе, возможно, окажется способной совладать с ним. Частные пожертвова-

* См. [22].

** Buttrick, Straus.

ния, особенно в ситуации, существующей сегодня в Соединенных Штатах, не дали бы почти никакого эффекта и даже смогли бы нанести вред, освободив правительство от чувства ответственности.

4. Русский вопрос связан с политическими сложностями. Советское правительство, без сомнения, попытается воспользоваться любыми улучшениями. Соединенные же Штаты и их союзники, которые по политическим причинам станут настаивать на участии в проекте по оказанию чрезвычайной помощи, будут стараться подорвать советское влияние. <...>

5. Любые мероприятия по оказанию чрезвычайной медицинской помощи не могут быть успешно проведены организациями типа Красного Креста. Для борьбы с такими болезнями, как тиф, холера и т. д., необходимо широкое сотрудничество с правительством. Кампания Красного Креста против тифа в Польше практически ничего не дала...

6. Когда придет время, фонд сможет оказать серьезную помощь России в восстановлении медицинских центров, подготовке кадров для здравоохранения, сестер и др., сотрудничая в создании центров подготовки и т. д., и т. д. Вероятно, стоит уже сейчас предпринять некоторые шаги и при первой же возможности объявить о своей готовности предоставить России такого рода помощь.

Должен признаться: мое первое чувство, что фонду следовало бы принять участие в оказании чрезвычайной помощи, радикально изменилось в результате вчерашнего обсуждения. <...>

Письма г-на Спарго* к г-м Хьюзу*** и Гуверу — это, конечно, сильные и убедительные документы. Однако его аргументы, похоже, четко обращены в сторону государственных ассигнований, а не частной поддержки, которая, уверен, была бы слишком неадекватной для такой огромной нужды...»

*Из письма Дж. Винсента
Дж. Д. Рокфеллеру
от 9 августа 1921 г.*

2. Предварительные переговоры с советским правительством**

«...Перед моим отъездом из Праги меня пару раз посетил в моей конторе д-р Липа Нимен, возглавляющий в России санитарную комиссию школ, находящуюся в ведении Комиссариата здравоохранения советского правительства. Похоже, что он перед этим получил в Министерстве здравоохранения Чехо-Словакии копию отчета д-ра Винсента за 1920 г. Он передал ее в свой комиссариат в Москву.

Д-р Нимен прибыл в Чехо-Словакию во главе поезда с более чем 300 русскими детьми, которые будут размещены в чешских семьях. Он провел три месяца или больше в Праге, изучая организацию медицины и санитарии, и планирует вернуться в Москву примерно через месяц. Он интеллигентный человек и получил медицинское образование в университете Берна. Он описал мне организацию Комиссариата здравоохранения в части, касающейся детей от 3 до 18 лет, и подарил схему, прилагаемую к этому письму. <...>

Он утверждал, что советское правительство было бы очень радо получить помощь от Рокфеллеровского фонда, и настаивал, чтобы я поехал с ним в Москву. Я осторожно объяснил ему, что не имею никаких полномочий на этот счет и не знаю, что бы мог предпринять фонд в ответ на просьбу нынешнего российского правительства.

Когда я вернулся из поездки в Вену и Будапешт, д-р Нимен позвонил еще раз. Полагаю, что он успел связаться по радио с Москвой. Он дал понять, что советское правительство хотело бы направить официальное письмо Рокфеллеровскому фонду с просьбой, чтобы он послал своих представителей для изучения ситуации и переговоров с властями. Он также дал понять, что русское правительство готово сделать это, если есть вероятность, что просьба будет удовлетворена, и пожелал, чтобы я неофициально узнал о возможной реакции Нью-Йорка на такую просьбу, поскольку советское правительство не станет ее посылать, если нет никакой вероятности положительного ответа...»

*Из письма С. М. Ганна В. Роузу
от 5 июля 1922 г.*

«...В нормальных условиях Международный совет по здравоохранению был бы заинтересован начать программу сотрудничества с Россией, как с любой другой страной. В условиях же голода, социального, политического и экономического хаоса требуется чрезвычайная по-

* Spargo, Hughes.

**См. [54].

мощь, а не регулярная конструктивная работа. Из информации, доступной при таком удалении, кажется, что нет никакой основы для создания стабильных медицинских институтов. Совет не участвует в оказании чрезвычайной помощи и должен поэтому подождать более спокойной ситуации, когда появится надежда на долговременные результаты...»

*Из письма В. Роуза С. М. Ганну
от 18 июля 1922 г.*

3. Политика в отношении России*

«...Сообщается, что вопрос о помощи России со стороны фонда поднимался несколько раз в запросах о помощи от отдельных институтов и в официальной просьбе Комиссариата здравоохранения о содействии в развитии Института гигиены в Москве и предоставлении стипендий для обучения за рубежом; что, хотя до настоящего времени любые действия казались преждевременными, кроме оказания чрезвычайной помощи, такой, какую оказывают Красный Крест и АРА, сотрудники старались получать информацию о меняющихся условиях и быть готовыми к любым значительным просьбам, которые касаются медицинского образования и здравоохранения и которые могли бы создать возможность для конструктивной помощи; и что нынешняя ситуация в России, по отзывам тех, кто недавно посетил страну: представителей АРА и членов комиссии Национального бюро информации, — имеет следующие основные черты:

1. Голод продолжится на большой территории, по крайней мере, до следующего урожая, т. е. примерно до 1 июля. От 5 до 10 млн. человек будут находиться под угрозой голодной смерти.

2. Нынешнее правительство, вероятно, останется у власти, поскольку некому занять его место. Прогресс может произойти скорее благодаря появлению новых людей и принятию новых идей имеющимся правительством, чем вследствие новой политической революции. Пример такого изменения политики с учетом условий дает новая экономическая политика и то, что правительство сотрудничает в определенных пределах с АРА. По сведениям, комиссариаты здравоохранения и образования заслуживают поддержки таких организаций, как фонд, и советами, и материально.

3. Ситуация со здравоохранением в стране чрезвычайно плоха вследствие войны, дезорганизации, революций и контрреволюций, изоляции от других стран, нищеты, прекращения обмена, высокой смертности медицинского персонала, в частности при борьбе с эпидемиями.

4. Условия, в которых находятся университеты и институты, ужасны. Лаборатории и больницы испытывают нехватку всех видов научного оборудования и самых элементарных вещей.

5. Хотя голод еще продолжается, многие наблюдатели верят, что в ближайшем будущем может быть оказана существенная конструктивная помощь в восстановлении медицинского образования...

Если будет одобрена проводимая общая политика, предлагаются следующие конкретные методы помощи:

1. Стипендии для обучения медицинского персонала за рубежом с последующим возвращением в медицинские центры или для работы в здравоохранении. Хотя в последние годы значительное число ученых эмигрировало, многие из лучших и преданных специалистов остались на своем месте в эти трудные времена. Они нуждаются в стимулах и дальнейшей подготовке, все это может дать год за границей. Члены правительства высказывались в поддержку организации таких иностранных стипендий, в случае если будут найдены денежные средства.

2. Распространение медицинских журналов. Для наилучшего пользования журналами их полные комплекты должны быть размещены в нескольких центрах страны. Дополнительная помощь может быть оказана реферативному журналу, который бы ежемесячно или ежеквартально регистрировал и анализировал самую важную литературу с указанием изданий, где эта литература появилась, и библиотек, где эти издания доступны.

3. Восстановление поставок лабораторного оборудования. Наилучший путь, вероятно, — начать с двух университетов и оснастить их стандартным комплектом оборудования, а впоследствии можно будет сделать это для двадцати или тридцати медицинских центров страны.

Однако пока что никаких формальных мер принято не было. По общему мнению, еще не настало время для иной помощи России, помимо оказываемой чрезвычайной.»

* См. [22]. Документ датирован 21 февраля 1923 г.

4. Затраты на работу в России*

«...Рокфеллеровский фонд		246380,03 дол.
Фонд памяти Лауры Спилмен-Рокфеллер		1733687,21 дол.
Международный совет по образованию		<u>70259,44 дол.</u>
		2050326,68 дол.

Рокфеллеровский фонд

Русский студенческий фонд		
Кредит для русских студентов	1929 г. 1930 г.	13786,00 дол. <u>3141,50 дол.</u>
		16927,50 дол.
Комитет помощи русским земствам и городам		
Программа помощи	1929 г. 1930 г. 1931 г.	10000,00 дол. 15000,00 дол. <u>10000,00 дол.</u>
		35000,00 дол.
Национальный совет, ИМКА		
Медицинская помощь русским профессорам и студентам	1929 г.	3500,00 дол.
Медицинская литература для России	1933 г. 1934 г. 1935 г. 1936 г.	14920,22 дол. 14939,32 дол. 10005,83 дол. <u>10000,00 дол.</u>
		49865,37 дол.
Стипендии для России		
Медицинские науки (15)		
(Две были предоставлены в 1934 г. но аннулированы, так как кандидаты не получили разрешения покинуть Россию. Восемь были предоставлены в 1932 г. и позже аннулированы)	1915—1933 гг.	40768,77 дол.
Естественные науки (36)		
(Одна была предоставлена в 1932 г. и позже аннулирована)	1915—1933 гг.	<u>97845,05 дол.</u>
		138613,82 дол.
Затраты на знакомство русского физиолога с институтами США	1933 г.**	1000,00 дол.
Поездки сотрудников Совета по медицине в Россию для знакомства с системой здравоохранения		<u>1473,34 дол.</u>
		246380,03 дол.

Примечание. На заседании 11 ноября 1936 г. было решено выделить на 1937 г. 5000 дол. для отправки медицинской литературы в Россию.

* См. [55]. Документ датирован 24 декабря 1936 г. Для лучшего восприятия материала расположение данных систематизировано.

** Очевидная ошибка. Это был визит И. П. Павлова в США в 1923 г. (см. [56]).

Фонд памяти Лауры Спилмен-Рокфеллер

Американский Красный Крест		
Помощь русским беженцам в Константинополе	1928 г.	35000,00 дол.
Американская администрация помощи		
Посылка медикаментов в Россию	1922—1923 гг.	497392,88 дол.
Помощь русским беженцам в Константинополе	1922—1923 гг.	98622,59 дол.
Помощь в России	1923 г.	<u>600000,00 дол.</u>
		1196015,47 дол.
Русский студенческий фонд		
Кредит для русских студентов	01.09.1923 г. — 31.08.1930 г.	193057,15 дол.
Комитет помощи русским земствам и городам		
Русская помощь	01.07.1927 г. — 30.06.1928 г.	40000,00 дол.
Фонд студенческой взаимопомощи		
Помощь русским студентам и профессорам	1923 г. — 31.08.1928 г.	<u>269614,59 дол.</u>
		1733687,21 дол.

Примечания. В 1920 г. 1000000 дол. был выплачен Американской администрации помощи для реализации программы продовольственной помощи европейским детям. Отсутствуют данные о том, в каких странах эта сумма была израсходована.

С 1 октября 1925 г. по 30 сентября 1926 г. 70662,13 дол. выделены Фонду студенческой взаимопомощи для реализации Европейской программы без указания, сколько из них было израсходовано в России.

Международный совет по образованию

Стипендии		
Естествознание (25)		62423,35 дол.
Сельское хозяйство (2)		7351,09 дол.
Поездка профессора		
Естествознание (1)		<u>485,00 дол.</u>
		70259,44 дол.»

5. Помощь Рокфеллеровского фонда России*

«...Помощь Отдела медицинского образования и медицинских наук России делится на три категории: стипендии, медицинская литература и вспомогательные гранты для исследований. Последние даются для закупки за границей оборудования и материалов. Почти все деньги были израсходованы вне пределов России. <...>

3. Вспомогательные гранты. Было присуждено шестнадцать таких грантов на общую сумму 15105,64 дол. Примерно половина из них — бывшим стипендиатам, остальные — институтам физиологии, неврологии и т. д. в Москве и Ленинграде. <...>

Этот текст был составлен для С. М. Г.** к его визиту в Россию в 1936 г. Большинство сумм являются приближенными, поскольку парижской конторой не были представлены детали затрат. <...>

1. Березина. Биологическое отделение физико-математического факультета Ленинградского университета 26 мая 1932 г. 500,00
2. Орбели. Профессор физиологии, Воен-

* См. [26]. Документ датирован 6 мая 1936 г.

** Selskar M. Gunn.

но-медицинская академия и Ленинградский медицинский институт	17 июня 1932 г.	2250,00
3. Воронцов. Физиологический институт, Казань (иностранный литература)	31 декабря 1932 г.	300,00
4. Кронтовский. Институт бактериологии, Киев	4 апреля 1933 г.	1200,00
5. Найштадт. Возвратившийся стипендиат по медицинским наукам, Институт микробиологии, Москва	29 декабря 1933 г.	306,60
6. Белкин. Возвратившийся стипендиат по медицинским наукам, директор Института морфологии, Москва	17 января 1934 г.	850,00
7. Кроль. Неврологическая клиника.	23 декабря 1932 г.	1250,00
8. 2-й медицинский факультет, Москва	27 марта 1934 г.	996,02
9. Лина Штерн. Директор	18 ноября 1932 г.	1000,00
10. Физиологического института,	19 сентября 1933 г.	175,00
11. Наркомпрос, Москва	27 марта 1934 г.	895,52
12. Купалов. Ассистент профессора Павлова,	21 ноября 1929 г.	612,50
13. Ленинград	18 сентября 1930 г.	270,00
14. Физиологический институт, Ленинград, Академия наук	18 сентября. 1934 г.	2500,00
15. Александринна Троицкая. Институт оперативной хирургии	19 ноября 1930 г.	500,00
16. Для улучшения работы Государственной медицинской библиотеки Наркомздрава, Москва	27 марта 1934 г.	<u>1500,00</u>
		15105,64 дол.»

6. Переговоры с Наркомздравом*

«...Поскольку полный мой отчет о поездке в СССР задерживается, пишу пока относительно лишь одного вопроса, о котором, думаю, нужно сообщить Вам без промедления. В моих разговорах с представителями советского правительства, в особенности с работниками Комиссариата здравоохранения (Наркомздрава), никто не упоминал о прежнем сотрудничестве Международного совета по образованию РФ с советскими властями. Конечно, и мне не имело смысла поднимать этот вопрос, но то, что русские сами не затрагивали его, показывает, что они этого не хотели.

Райхман, который был в Москве... очевидно, имел откровенный разговор с Каминским — комиссаром здравоохранения. ...Каминский поднял в беседе с ним вопрос о сотрудничестве с фондом Рокфеллера и дал понять, что акция властей, сообщивших в парижскую контору о том, что больше нет нужды в зарубежных стипендиях, была инспирирована или решена на более высоком политическом уровне. Райхман считает, что противодействие... связано с именем "Рокфеллер" и всем тем, что оно означает... Кстати, я сам всегда удивлялся тому, что Советы принимали от нас помощь. Каминский... намекнул Райхману, что лично он и, вероятно, многие профессора и ученые хотели бы продолжать получать помощь в виде стипендий, аппаратуры и т. д. Изобретательный ум Райхмана выработал формулу, о которой он попросил

*См. [26].

сообщить Вам. Думаю, что Каминский будет с ней согласен. Коротко план состоит в том, чтобы фонд выделил средства Институту интеллектуального сотрудничества, которые можно было бы использовать для стипендий советским гражданам или для других видов помощи... Поскольку СССР является членом Лиги Наций, которой принадлежит Институт интеллектуального сотрудничества, такая процедура, очевидно, обладает тем преимуществом для СССР, что он будет получать помощь без клейма (!!) Рокфеллера. Моя реакция на это предложение была резко враждебной. Если Вы согласны со мной и если Вы дадите мне понять это, я позабочусь, чтобы Райхман был предупрежден, так как не думаю, что по этому вопросу должна существовать официальная корреспонденция...»

*Из письма С. М. Ганна Р. Фосдику
от 11 сентября 1936 г.*

7. Эмиграция А. С. Безиковича*

«...Вы помните, что есть серьезные сложности со статусом Безиковича как русского гражданина. Совет считал, что в случае русских, а также граждан некоторых других европейских стран очень желательно задолго до конца стипендии, а лучше даже перед тем, как Совет примет решение, иметь определенные заверения, что кандидат, вернувшись на родину, сможет использовать свой зарубежный опыт и стать очагом распространения новейших знаний.

Поэтому я считаю, что не могу представить эту просьбу [о продлении стипендии] до получения заверений, что Безиковичу будет разрешено вернуться в Россию...»

*Из письма А. Траубриджа Х. Бору
от 19 октября 1925 г.*

«...Когда продлили его стипендию, и я, и Бор (а также сам Б.) попытались сделать все возможное, чтобы он смог вернуться в Ленинград. Кажется, 5 месяцев назад я написал Вам, что начинаю сомневаться в успехе. Сейчас это сомнение стало почти уверенностью. Повторные попытки в Лондоне, Париже и Копенгагене не привели ни к какому заметному результату. После того как г-н Раковский** пообещал нам употребить все свое влияние и написал об этом мне и Безиковичу, мы посчитали, что успех обеспечен, но, когда прошли месяцы и ничего не произошло, я обратился к нему снова (кажется, я писал Вам об этом), и он попытался еще раз, но опять, очевидно, ничего не вышло...»

*Из письма Дж. Харди*** А. Траубриджу
от 9 июля 1926 г.*

«...Он несомненно способный математик, симпатичный мне лично, и сможет хорошо работать, если получит подходящее место. Думаю, что он не вернется в Россию. Он говорил возбужденно во время прогулки со мной и Бором. Его высказывания ясно демонстрируют, что он твердо считает нынешнее правительство в России невозможным и что его образ мыслей, независимо от любых других причин, сильно препятствует его возвращению. Кроме того, Александров в Геттингене, имеющий профессию в Москве, сказал мне, что все ставки заняты и что при нынешней правительственной политике экономии Б. вряд ли получит место. (Курант заметил, что, возможно, Б. не хочет возвращаться в Россию к г-же Б., но мне об этом ничего не известно.)...»

*Из письма Дж. Биркхофа**** А. Траубриджу
от 9 июля 1926 г.*

«...Позвольте напомнить Вам о "классическом" случае Безиковича. Кстати, в конце концов он получил ответ от советского правительства — полный отказ. Он всегда говорил, что Раковский действительно собирался сделать все возможное, но не преуспел и не захотел в этом признаться, похоже, что это так. <...> Тогда Вы действительно соблюли свои принципы, и результат оправдал себя, поскольку все-таки Безикович получил место в Ливерпуле, которое в любом случае довольно приличное, и оказался спасен для карьеры математика (неважно,

* См. [32, 47].

** Советский посол в Великобритании.

*** G. Hardy.

**** G. Birkhoff.

уедет он в Америку или нет). Вы будете рады узнать, что он очень способный преподаватель и что его лекции продолжатся, если он этого захочет...»

*Из письма Дж. Харди А. Траубриджу
от 25 февраля 1927 г.*

«...Если отвлечься от частного случая Безиковича, можно заключить, что устройство на работу молодых русских физиков вряд ли стоит считать негарантированным. Безикович без труда получил бы профессию в России, если бы не решился в нетерпении столь авантюрно перейти границу...»

*Из письма П. Эренфеста А. Траубриджу,
датированного маем 1928 г.*

8. Эмиграция Г. Б. Кистяковского*

«...Доктор Георг Б. Кистяковский сегодня прибыл в Нью-Йорк и в полдень отправляется поездом в Принстон. <...>

...Я заметил, что Вы пишете о докторе Кистяковском как о русском гражданине... Может быть, Вам будет небезынтересно узнать, что он потерял русское гражданство и в настоящее время является лицом без гражданства. Он путешествует с нансеновским паспортом, т. е. с удостоверением личности, выданным в соответствии с принятой Лигой Наций резолюцией Нансена...»

*Из письма У. Лунда ** А. Траубриджу
от 12 января 1926 г.*

«...На основе какой информации Вы заключили, что он "потерял русское гражданство"; сам ли он сказал Вам об этом? Я не думаю, что это следует из того, что он путешествует с нансеновским паспортом; этот паспорт вовсе не предполагает отсутствия гражданства, а только указывает на политические симпатии владельца — может быть, он просто не захотел обращаться в советское посольство в Берлине и взял нансеновский паспорт по совету своего немецкого коллеги. Если у Вас будет возможность поговорить с ним лично, проясните, пожалуйста, этот вопрос. <...>

Это был один из тех случаев, которые я представил Совету до того, как мы приняли общее правило требовать от граждан восточной Европы определенных гарантий возвращения в свою страну или получения подходящей работы где-нибудь еще после окончания стипендии...»

*Из письма А. Траубриджа У. Лунду
от 4 февраля 1926 г.*

«...Вчера я попросил его разъяснить ситуацию с его гражданством. Он сказал, что то, что он воевал с большевиками в армии генерала Врангеля и что после этого покинул Россию, автоматически лишает его русского гражданства. В 1922 или 1923 г. советское правительство предложило русским беженцам подавать просьбы о восстановлении в гражданстве. Он сказал, что при этом требовалось отвечать на множество вопросов, объяснять, почему гражданство было потеряно, извиняться за это и просить о восстановлении. Он сказал, что не был готов к этому. Он не имеет никакого другого гражданства и еще не решил, что будет делать после окончания стипендии...»

*Из письма У. Лунда А. Траубриджу
от 16 апреля 1926 г.*

«...Кистяковский обладает способностями, которые оправдывают самые настойчивые усилия оставить его здесь, и надеюсь, что удастся найти ему работу тут, в Принстоне. Однако есть трудности с визой, особенно для таких людей, как д-р Кистяковский, который лишен поддержки большевистского правительства. Он приехал из Германии, и, очевидно, ожидается, что должен туда вернуться. Его прежний профессор заверил меня самым определенным образом, что хотя он ценит Кистяковского так же, как и я, но вероятность, что он сможет сделать научную карьеру в Германии очень мала. <...>

Я бы хотел попросить Вашего совета и содействия, чтобы дать возможность Кистяковскому продолжить научную работу в этой стране. Я не знаю, каковы необходимые процедуры,

*См.[52].

** W. Lund.

но думаю, что Вы имеете контакт с иммиграционными службами касательно стипендиатов и сможете посоветовать что-нибудь...»

*Из письма Г. Тейлора У. Лунду
от 20 января 1927 г.*

9. Стипендиаты Международного совета по образованию*

Форма записи:

Фамилия, имя, отчество стипендиата; год рождения; специальность; ученая степень, место и год присуждения; должность и место работы на момент получения стипендии; кто представил к стипендии (место его работы); даты утверждения, начала и конца стипендии; место работы стипендиата (руководитель); даты утверждения, начала и конца продленной стипендии; место работы стипендиата (руководитель); место работы после окончания стипендии, должность.

1. **Орелкин Борис Петрович**; 1884; физика (химическая кристаллография); (?), Ленингр. политехнический ин-т; W. H. Bragg (Лондон); 26.05.24, 01.06.25, 01.06.26; лаб. Дэви-Фарадея, Лондон (W. H. Bragg); 06.04.26, 01.06.26, 08.05.27; там же; Ленингр. политехнический ин-т, (?).

2. **Александров Павел Сергеевич**; 1896; математика (топология); PhD, Моск. ун-т, 1917; доц. Моск. ун-та, проф. Смоленского ун-та; L. E. J. Brower (Амстердамский ун-т); 25.09.24, 02.05.25, 02.05.26; Амстердамский ун-т; (L. E. J. Brower), Принстонский ун-т (S. Lefschetz); 10.06.27, 01.10.27, 31.05.28; Принстонский ун-т (S. Lefschetz, O. Veblen, J. W. Alexander), Гарвардский ун-т (G. D. Birkhoff); Моск. ун-т, проф. с 1929 г., акад. АН с 1953 г.

3. **Габричевский Евгений (?)**; (?); биология (зоология, наследственность); Dr, Петрогр. ун-т, 1917; препод. зоологии Моск. ун-та, секр. «Русского зоологического журнала»; T. H. Morgan (Колумбийский ун-т, Нью-Йорк); 25.09.24, 19.01.25, 19.01.26; Колумбийский ун-т, Нью-Йорк (T. H. Morgan); 30.11.25, 20.01.26, 19.01.27; там же; (?), 19.01.27, 19.03.27; там же; Мюнхен, (?).

4. **Безикович Абрам Самойлович**; 1891; математика; MS, Петрогр. ун-т, 1922; проф. Ленигр. ун-та, проф. Ин-та инженеров путей сообщения; Harald Bohr (Копенгагенский ун-т); 14.11.24, 02.03.25, 02.03.26; Копенгагенский ун-т (H. Bohr), Кембриджский ун-т (Van der Corput); 01.03.26, 02.03.26, 02.12.26; Оксфордский ун-т (G. H. Hardy); Ливерпульский ун-т, лектор; Кембриджский ун-т, лектор, с 1930 г. проф.

5. **Давидович Павел Яковлевич**; 1899; астрономия; grad., Моск. ун-т, 1924; ассистент Астрофизического ин-та Моск. ун-та; Harlow Shapley (Гарвардский ун-т); 14.11.24, 27.03.25, 27.03.26; обсерватория Гарвардского ун-та (Harlow Shapley); 06.02.26, 01.04.26, 01.04.27; там же; остался в США, депортирован в 1929 г.

* Большая часть данных взята из [57]. Здесь, а также в прил. 10—11 специальность и ученая степень указываются так, как они написаны в учетных карточках. Формально в СССР все ученые степени были отменены, отсюда произвол в использовании американских аналогов.

6. **Островский Александр Маркович**; 1893; математика;
PhD, Геттингенский ун-т, 1920; прив.-доц. Гамбургского, Геттингенского ун-тов;
G. H. Hardy (Оксфордский ун-т);
(?), 01.01.24, 31.12.24; Кембриджский ун-т, Оксфордский ун-т;
Базельский ун-т, проф.

7. **Крутков Юрий Александрович**; 1890; физика;
DSc, (?), (?); проф. Ленингр. ун-та;
P. Ehrenfest (Лейденский ун-т);
29.05.25, 08.12.25, 07.10.26; Геттингенский ун-т (M. Vorn), Гамбургский ун-т (W. Pauli);
Ленингр. ун-т, проф.; чл.-корр. АН с 1933 г.

8. **Френкель Яков Ильич**; 1894; физика;
MS, Петрогр. ун-т, 1917; препод. Ленингр. политехнического ин-та, ЛФТИ;
P. Ehrenfest (Лейденский ун-т);
29.05.25, 15.11.25, 30.09.26; Геттингенский ун-т (M. Vorn), Гамбургский ун-т (W. Pauli);
ЛФТИ, Ленингр. политехнический ин-т, проф.; чл.-корр. АН с 1929 г.

9. **Насонов Дмитрий Николаевич**; 1895; биология (зоология, гистология);
(?), (?), (?); ассистент гистологической лаб. Ленингр. ун-та;
Д. И. Дейнека (Ленингр. ун-т);
19.06.25, 22.12.25, 18.10.26; Колумбийский ун-т, Нью-Йорк (E. Wilson);
Ленингр. ун-т, проф. с 1935 г.; чл.-корр. АН с 1943 г.; acad. АМН с 1945 г.

10. **Рокицкая Анастасия И.**; 1886; микробиология почвы;
Cand. Nat. Sci., Краковский ун-т, 1917; микробиологическая лаб. Ин-та научной мелиорации, Ленинград; отдел общей микробиологии Гос. ин-та эксперимент. агрономии; Гос. ин-т эксперимент. медицины;
В. Л. Омелянский (Гос. ин-т эксперимент. медицины, Ленинград);
19.06.25, 01.12.25, 01.12.26; эксперимент. станция Нью-Джерси, Нью-Брунсвик (J. G. Lipman, S. A. Waksman);
Киев, (?); Москва, (?).

11. **Кистяковский Георгий Богданович**; 1900; физическая химия;
PhD, Берлинский ун-т, 1924; (?);
Max Bodenstein (Берлинский ун-т);
27.06.25, 12.01.26, 11.01.27; Принстонский ун-т (Hugh S. Taylor);
05.10.26, 12.01.27, 11.01.28; там же;
Принстонский ун-т, проф.

12. **Лаврентьев Борис Иннокентьевич**; 1892; биология (гистология);
Dr, (?), (?); проф., лаб. гистологии Казанского ун-та;
J. Voeke (Утрехт);
28.09.25, 21.09.25, 23.01.26; Утрехт (J. Voeke), Коллеж де Франс, Париж (Prenant, Gley);
Моск. зоотехнический ин-т, проф. с 1926 г.; кафедра гистологии Первого Моск. мед. ин-та;
ВИЭМ; чл.-корр. АН с 1939 г.

13. **Шванвич Борис Н.**; (?); биология (зоология);
Dr, (?), (?); ассистент Ленингр. ун-та;
В. А. Догель (Ленингр. ун-т);
22.12.25, 01.03.26, 15.09.26; Британский музей естественной истории, Лондон (N. D. Riley);
Ленингр. ун-т, (?).

14. **Струве Отто Людвигович**; 1897; физика (астрофизика);
PhD, Чикагский ун-т, 1923; препод. астрофизики, Йерксская обсерватория Чикагского ун-та;
Erwin V. Frost (Йерксская обсерватория);
06.04.26, 01.06.26, 01.10.26; обсерватория Маунт-Вильсон, Ловелловская обсерватория, Лик-ская обсерватория;
Йерксская обсерватория Чикагского ун-та, проф. с 1932 г.

15. **Рябушинский Дмитрий Павлович**; 1882; физика (гидродинамика и аэродинамика);
DSc, Парижский ун-т, 1922; «conferecier», Парижский ун-т;

Paul Painleve (Парижский ун-т);
11.05.26, 01.06.26, 01.06.27; Парижский ун-т (P. Painleve), Оксфордский ун-т (A. E. M. Love);
Русский ин-т, Париж, проф.

16. **Давыдов Константин Николаевич**; 1877; биология (экспериментальная зоология);
DSc, Моск. ун-т, 1915; биологич. станция в Баньюльсе, Франция;
John H. Gerould (Париж);
21.06.26, 22.06.26, 21.06.27; морская биологич. станция в Неаполе;
Океанографический ин-т, франц. Индокитай, (?); Национальный центр научных исследований, Париж, (?).

17. **Меньшов Дмитрий Евгеньевич**; 1892; математика;
Dr, Моск. ун-т, 1918; сотрудник Математического ин-та Моск. ун-та, проф. Моск. ун-та;
Н. Н. Лузин (Моск. ун-т);
30.09.26, 10.01.27, 09.01.28; Парижский ун-т (A. Denjoy);
Моск. ун-т, проф. с 1922 г.; чл.-корр. АН с 1953 г.

18. **Фок Владимир Александрович**; 1898; математическая физика;
grad., Петрогр. ун-т, 1922; доц. Ленингр. ун-та;
P. Ehrenfest (Лейденский ун-т);
06.12.26, 07.08.27, 06.08.28; Геттингенский ун-т (Max Born);
Ленингр. ун-т, проф. с 1936 г.; акад. АН с 1939 г.

19. **Алпатов Владимир В.**; 1898; биология (биометрия);
(?), (?), (?); доц. Моск. ун-та, хранитель Зоологического музея;
Г. А. Кожевников (Моск. ун-т);
06.12.26, 23.06.27, 22.06.28; Ин-т биологич. исследований ун-та Джонса Хопкинса, Балтимор (Raymond Pearl);
24.02.28, 23.06.28, 22.06.29; там же;
Моск. ун-т, (?).

20. **Лузин Николай Николаевич**; 1883; математика (теория функций);
DSc, Моск. ун-т, 1916; проф. Моск. ун-та;
Henry Lebesgue (Коллеж де Франс);
10.06.27, 01.10.28, 30.09.29; Париж;
27.11.29, 01.12.29, 31.05.30; Парижский ун-т (E. Borel);
Моск. ун-т, проф.; Математический ин-т АН; акад. АН с 1929 г.

21. **Добрянский Феодосий Григорьевич**; 1900; биология (зоология);
DSc, Киевский ун-т, 1921; ассистент лаб. генетики Ленингр. ун-та, ассистент бюро по генетике АН;
Ю. А. Филипченко (Ленингр. ун-т);
19.08.27, 27.12.27, 26.12.28; Колумбийский ун-т, Нью-Йорк (Т. Н. Morgan);
21.03.29, 27.12.28, 27.05.29; Калифорнийский технологический ин-т, Пасадина (Т. Н. Morgan);
Калифорнийский технологический ин-т, проф. с 1936 г.

22. **Вагнер Николай**; 1893; цитология растений;
инж. с/х, Киевский ун-т, 1918; русский эмигрант в Праге;
В. Nemes (Карлов ун-т, Прага);
09.05.28, 19.11.28, 18.11.29; Парижский ун-т (A. Guilliermond);
Карлов ун-т, Прага, (?).

23. **Навашин Михаил Сергеевич**; 1896; генетика растений;
(?), (?), (?); отдел эксперимент. эволюции Биологического ин-та им. К. А. Тимирязева, Москва;
E. V. Vavcock (ун-т Беркли);
03.02.26, 24.10.27, 23.10.28; ун-т Беркли (E. V. Vavcock);
09.10.28, 24.10.28, 23.06.29; там же;
Биологический ин-т им. К. А. Тимирязева; Ботанический сад Моск. ун-та, директор

24. **Синельников Кирилл Дмитриевич**; 1901; физика;
grad., Таврический ун-т, Симферополь, 1923; (?), ЛФТИ;
А. Ф. Иоффе (ЛФТИ);

09.10.28, 19.10.28, 18.10.29; Кембриджский ун-т (E. Rutherford);
Харьковский физико-технический ин-т; Харьковский ун-т, проф. с 1936 г.; акад. АН УССР
с 1948 г.

25. Скобельцын Дмитрий Владимирович; 1892; физика;
(?), (?), (?); ассистент и препод. Ленингр. политехнического ин-та, сотрудник ЛФТИ;
А. Ф. Иоффе (ЛФТИ);
09.10.28, 08.04.29, 31.12.30; Парижский ун-т (M. Curie);
Ленингр. политехнический ин-т, проф. с 1934 г.; ЛФТИ; ФИАН с 1937 г.; акад. АН с 1946 г.

26. Бари Нина Карловна; 1901; математика;
DSc, Моск. ун-т, 1926; доц. Моск. ун-та, сотрудник Математического ин-та Моск. ун-та;
Н. Н. Лузин (Моск. ун-т);
09.01.29, 15.01.29, 14.10.29; Парижский ун-т (H. Lebesgue, A. Denjoy, J. Hadamard, E. Cartan);
Моск. ун-т, проф. с 1934 г.

27. Карпеченко Георгий Дмитриевич; 1899; биология (генетика);
Dr. Моск. ун-т, 1922; сектор генетики Всес. ин-та растениеводства (ВИР), Ленинград;
Н. И. Вавилов (ВИР, Ленинград);
07.05.29, 06.11.29, 31.12.30; ун-т Беркли (Babcock, Goodspeed, Clausen), Калифорнийский
технологический ин-т, Пасадина (T. H. Morgan);
ВИР; Ленингр. ун-т, проф. с 1938 г.

28. Гамов Георгий Антонович; 1904; физика;
PhD, Ленингр. ун-т, 1928; аспирант Ленингр. ун-та;
А. Н. Крылов (ФМИ АН, Ленингр.);
28.06.29, 22.10.29, 21.10.30; Кембриджский ун-т (E. Rutherford), Копенгагенский ун-т
(N. Bohr);
ФМИ АН; ЛФТИ; с 1934 г. — ун-т Джорджа Вашингтона.

О стипендии для следующих ученых надежной информации нет:

1. Вайнштейн Александр; 1897; математика;
PhD, Цюрихский ун-т, 1921; (?);
(?);
1926—1927?;
Мэрилендский ун-т.

2. Герасименко Поликарп; (?); химия;
(?), (?), (?); украинский эмигрант в Чехословакии;
(?);
1928?;
(?).

3. Герасимович Борис Петрович; 1889; астрономия;
(?), (?), (?); проф. Харьковского ин-та народного образования;
(?);
1928?;
(?).

4. Гончаров Василий Леонидович; 1896; математика;
(?), (?), (?); Харьковский ин-т народного образования;
(?);
1927?;
(?).

5. Райнич Ю. Я.; 1886; математика;
(?);
(?);
стипендия предоставлена в 1926 г., отказался 10. 08. 26.
(?).

10. Стипендиаты Рокфеллеровского фонда*

Форма записи:

Фамилия, имя, отчество стипендиата; год рождения или возраст; специальность; ученая степень, место и год присуждения; должность и место работы на момент получения стипендии; отдел фонда**;
 даты присуждения, начала и конца стипендии; место работы стипендиата (руководитель); даты присуждения, начала и конца продленной стипендии; место работы стипендиата (руководитель);
 место работы после окончания стипендии, должность.

1. **Фельдман Владимир И.**; 1887; дерматология;
 MDr, ун-т Лозанны, 1913; ассистент Гос. ин-та венерических болезней; DME;
 20.07.28, 02.06.28, 31.07.28; госпиталь Сен-Луи, Париж (Louste);
 Гос. ин-т венерических болезней, зав. отд. кожных болезней, главврач.
2. **Купалов Петр Степанович**; 1888; нейрофизиология;
 MDr, Военно-медицинская академия, Петроград, 1918; физиологическая лаб. Ин-та эксперимент. медицины; DME;
 20.11.28, 21.11.28, 20.11.29; университетский колледж, Лондон (A. V. Hill);
 ИЭМ, Ленинград; ЛМИ им. И. П. Павлова, проф. с 1931 г.; акад. АМН с 1946 г.
3. **Троицкая Александрина А.**; 1886; анатомия и экспериментальная хирургия;
 MDr, Моск. ун-т, 1914; доц. Ин-та оперативной хирургии и топографической анатомии Моск. ун-та; DME;
 31.01.29, 16.02.29, 15.02.30; лаб. сравнительной анатомии, Музей естественной истории, Париж (R. Anthony);
 Ин-т оперативной хирургии и топографической анатомии Моск. ун-та, доц. с 1930 г.; с 1932 г. во Франции, зоологическая лаб. Парижского ун-та (?) (1951).
4. **Россиянский Натан Львович**; 1889; дерматология;
 MDr, Казанский ун-т, 1915; доц. Гос. венерологического ин-та, директор центр. венерологической клиники; MS;
 (?). (?). 29, 15.04.29, 27.01.30; дерматологическая клиника Бреслау (J. Jadassohn);
 дерматологическая и венерологическая клиника Воронежского медицинского ин-та, директор.
5. **Потапенко Геннадий Васильевич**; 1894; физика;
 PhD, Моск. ун-т, 1920; научный сотрудник 1-го разряда НИИФ Моск. ун-та; NS;
 09.10.29, 11.08.30, 22.08.31; Калифорнийский технологический ин-т, Пасадина (R. A. Millikan);
 стипендиат Карнеги в 1932 г.; впоследствии проф. Калифорнийского технологического ин-та.
6. **Комиссарук Бэлла**; 46 лет; респираторные заболевания;
 MDr, Берлинский ун-т, 1909; ассистент Центр. гос. ин-та профессиональных заболеваний, Моск. ун-т; MS;
 12.12.29, 25.03.30, 24.04.31; Вена (M. Sternberg), Ин-т медицинских исследований, Йоханнесбург (Mavrogordato);
 Москва, (?).
7. **Шмидт Георгий А.**; 34 года; эмбриология;
 (?), (?), (?); и. о. проф. кафедры эмбриологии и гистологии Моск. ун-та; NS;
 10.02.30, 23.05.30, 22.07.31; Зоологический ин-т Фрейбургского ун-та (H. Spemann);
 с декабря 1932 г. в Москве, (?).
8. **Агол Израиль Иосифович**; 1891; генетика общая и психических болезней;
 MDr, Моск. ун-т, 1923; директор Биологического ин-та им. К. А. Тимирязева, Москва; MS;

* Большая часть данных взята из [58].

** MS — Medical Sciences, DME — Division of Medical Education, NS — Natural Sciences.

10.04.30, 10.09.30, 26.10.31; Техасский ун-т, Остин (H. J. Muller);
отдел науки Наркомпроса; с 1934 г. — Ин-т зоологии и биологии АН УССР, репрессирован.

9. **Иваницкий-Василенко Евгений С.**; 41 год; физиология и биохимия;
MDr, Варшавский ун-т, 1913; доц. лаб. физиологии Саратовского ун-та; MS;
10.04.30, 25.10.30, 17.10.31; Кембриджский ун-т (Bacroft);
(?).

10. **Ландау Лев Давидович**, 1908; физика;
grad., Ленингр. ун-т, 1927; (?), ЛФТИ; NS;
10.04.30, 19.05.30, 18.02.31; Кембриджский ун-т (P. Digac), Копенгагенский ун-т (N. Bohr),
Цюрихский политехнический ин-т (W. Pauli);
с 10.03.31 в Ленинграде, ЛФТИ; ХФТИ; Ин-т физ. проблем; акад. АН с 1946 г.

11. **Левит Соломон Григорьевич**; 1894; генетика;
MDr, Моск. ун-т, 1921; сотрудник Медико-биологического ин-та, Москва; MS;
10.04.30, 20.01.31, 25.01.32; Техасский ун-т, Остин (H. J. Muller);
Медико-биологический ин-т, директор; в 1937 г. репрессирован.

12. **Денисов Александр Константинович**; 25 лет; физика;
PhD, Ленингр. ун-т, 1924; ассистент Электротехнического ин-та, Ленинград, аспирант Фи-
зического ин-та Ленингр. ун-та; NS;
10.04.30, 01.05.30, 10.06.31; Королевский колледж, Лондон (O. W. Richardson);
(?).

13. **Белкин Рафаэль И.**; 36 лет; экспериментальная биология (зоология);
MDr, Моск. ун-т, 1924; доцент биологии Смоленского ун-та; MS;
10.06.30, не смог воспользоваться; директор Ин-та эксперимент. морфогенеза, Москва; MS;
28.10.32, 01.01.33, 12.01.34; Иенский ун-т (J. Schaxel), биологическая станция в Неаполе,
Женевский ун-т (Guenot);
Моск. ун-т; Ин-т эксперимент. морфологии; Ин-т механики развития.

14. **Ручко Игнатий Емельянович**; 1883; бактериология;
MDr, Харьковский ун-т, 1925; Украинский гос. бактериологический ин-т, Харьков; MS;
10.07.30, 10.11.30, 09.05.32; Ин-т гигиены и изучения иммунитета, Берлин-Далем (Friedberger);
Ин-т бактериологии и эпидемиологии, Киев, директор.

15. **Лаппо-Данилевский Иван**; 1896; математика;
DMath, Ленингр. ун-т, 1929; проф. Ленингр. политехнического ин-та; NS;
17.07.30, 01.10.30, 30.09.31; Гиссенский ун-т (L. Schlesinger);
умер от болезни во время стипендии 15.03.31.

16. **Огородников Кирилл Федорович**; 1900; астрофизика;
Dr, (?), (?); секретарь Гос. астрофизического ин-та, Москва; NS;
?.09.30, 20.01.31, 22.01.32; обсерватория Гарвардского колледжа (H. Shapley), Йерксская
обсерватория Чикагского ун-та (E. V. Frost);
«Астрофизический журнал», редактор; отдел науки Наркомпроса; Пулковская обсерватория,
(?).

17. **Бунэ Ян Мартынович**; 1891; хирургия;
MDr, Медицинская академия, Петроград, 1914; главный хирург Самаркандского госпиталя; MS;
?.10.30, 20.02.30, 19.02.31; Тюбингенский ун-т, хирургическая клиника (M. Kirschner);
(?).

18. **Шварц Соломон Моисеевич**; 1892; промгигиена;
Dr, Казанский ун-т, 1922; доц. медицинского ф-та Казанского ун-та; MS;
?.?.31, 25.01.31, 24.01.32; Ин-т гигиены, Берлин (Hahn), Ин-т физиологии труда,
Дортмунд (Atzler);
Ин-т социальной гигиены, Казань, директор.

19. **Аксянцев Моисей Израилевич**; 34 года; патология;
MDr, Казанский ун-т, 1923; ассистент общей патологии, Казанский ун-т; MS;

27.11.31, 06.04.32, 05.04.33; Ин-т патологии Шарите, Берлин (Rona);
(?).

20. **Березина Мария**; 1895; физиология;
Dr, (?), (?); препод. лаб. патологии животных Ленингр. ун-та; MS;
15.06.32, 11.06.32, 10.09.32; морская биологическая лаб. в Плимуте (A. V. Hill);
Ленингр. ун-т, (?).

21. Найштадт Моисей Григорьевич; 1893; микробиология (бактериология);
Dr, (?), (?); ассистент микробиологического ин-та Моск. ун-та; MS;
17.06.32, 14.01.33, 12.01.34; лаб. гос. отдела по охране здоровья, Берлин-Далем (E. Gildemeister),
Листеровский ин-т, Лондон (Ledingham);
Ин-т микробиологии Моск. ун-та, (?).

11. Невостребованные стипендии

1. **Франк Глеб Михайлович**; 1904; физиология животных;
Dr, (?), (?); ассистент Гистологического ин-та Моск. ун-та;
10.05.30, аннулирована 10.07.31;
ЛФТИ; ВИЭМ; акад. АН с 1966 г.

2. **Кричевский Илья Львович**; 1883; микробиология;
MDr, Моск. ун-т, 1919; Второй Моск. мед. Ин-т, директор Ин-та бактериологии Наркомпро-
са;
17.06.32, аннулирована 27.03.34;
Второй Моск. мед. ин-т, проф. с 1935 г., репрессирован.

3. **Купалов Петр Степанович***; 1888; нейрофизиология;
MDr, Военно-медицинская академия, Петроград, 1918; физиологическая лаб. Ин-та экспе-
римент. медицины, ЛМИ им. И. П. Павлова;
18.11.32, аннулирована 27.03.34;
ВИЭМ; ЛМИ им. И. П. Павлова; акад. АМН с 1946 г.

4. **Грязнов Иван Сергеевич**; 30 лет; гигиена;
Dr, (?), (?); ассистент Ин-та социальной гигиены, Первый Моск. мед. ин-т;
23.12.32, аннулирована 27.03.34;
(?).

5. **Коган Борис Борисович**; 1896; физиология;
Dr, (?), (?); доц. и пом. директора Медико-биологического ин-та, Первый Моск. мед. ин-т;
23.12.32, аннулирована 27.03.34;
Первый Моск. мед. ин-т, проф. с 1939 г.

6. **Колмогоров Андрей Николаевич**; 1903; математика;
PhD, Моск. ун-т, 1929; проф. Моск. ун-та;
23.12.32, аннулирована 01.05.34;
Моск. ун-т, проф., акад. АН с 1929 г.

7. **Крайц Сергей Валентинович**; 38 лет; психиатрия;
MDr, Моск. ун-т, 1926; ассистент психиатрической клиники, Первый Моск. мед. ин-т;
23.12.32, аннулирована 27.03.34;
(?).

8. **Липкович Иосиф Григорьевич**; 34 года; гигиена;
MDr, Ленингр. мед. ин-т, 1925; директор Ин-та профессиональных болезней, Ленинград;
23.12.32, аннулирована 27.03.34;
(?).

9. **Лифшиц Натан Ильич**; 36 лет; патология;

* 2-я стипендия, 1-я — см. прил. 10.

MDr, Второй Моск. мед. ин-т, (?); ассистент хирургической клиники Второго Моск. мед. ин-та; 23.12.32, аннулирована 27.03.34; (?).

10. **Мухин Иван Анатольевич**; 33 года; нейрохирургия; MDr, Моск. ун-т, 1925; ассистент Нейрохирургического ин-та, Первый Моск. мед. ин-т; 23.12.32, аннулирована 27.03.34; (?).

11. **Проппер (Гращенко) Николай Иванович**; 1901; неврология; MDr, (?), 1926; PhD, Моск. ун-т, 1932; ассистент неврологической лаб. и клиники, Второй Моск. мед. ин-т; 23.12.32, аннулирована 27.03.34; зам. наркома здравоохранения; директор ВИЭМ; чл.-корр. АН с 1939 г., акад. АМН с 1944 г.

12. **Шпильберг Полина Иосифовна**; 1900; физиология; Dr, (?), (?); пом. директора Ин-та эксперимент. биологии, Москва; 23.12.32, аннулирована 27.03.34; (?).

13. **Линдберг Александр Августович**; 1898; нейрофизиология; MDr, Военно-медицинская академия, 1922; научный сотрудник 1-го разряда Физиологического ин-та АН, Ленинград; 02.03.34, аннулирована 17.12.34; Физиологический ин-т АН, (?).

14. **Русинов Владимир Сергеевич**; 1903; нейрофизиология; Dr, (?), (?); доц. Ленингр. ун-та, сотрудник АН; 27.03.34, аннулирована 25.04.35; лаб. электрофизиологии больницы им. Боткина, Москва, (?).

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. пр. М., 1990. С. 148—155.
2. Bremner R. H. American philanthropy. Chicago, 1960.
3. Glenn J. M. The Russell Sage Foundation, 1907—1946. N. Y., 1947.
4. Lagemann E. C. The politics of knowledge: the Carnegie Corporation, philanthropy and public policy. Washington, 1989.
5. Fosdick R. B. The story of the Rockefeller Foundation. N. Y., 1952.
6. The Foundation Directory. N. Y., 1989.
7. 1000 largest foundations by assets. N. Y., 1987.
8. Баренбойм Г. М., Берзин Л. Б., Кочетков Г. Б. Финансирование научных исследований благотворительными фондами США. М.; Переславль-Залесский, 1989.
9. Rose K. W. The availability of foundation records: a guide for researchers. N. Y., 1990.
10. Kohler R. E. Managers of science: Foundations and natural sciences. 1900—1950. Chicago, 1991.
11. Kevles D. The physicists: The history of a scientific community in modern America. N. Y., 1977.
12. Robertson P. The early years. The Niels Bohr Institute. 1921—1930. Kopenhagen, 1979.
13. Aaserud F. Redirecting science. Niels Bohr, philanthropy and the rise of nuclear physics. Cambridge etc., 1990.
14. Beyerchen A. Scientists under Hitler. New Haven., 1977.
15. Rockefeller Archive Centre (RAC). IEB Collection, series 1.3, box 42, folder 600.
16. Gray G. W. Education on an international scale: a history of the International Education Board, 1923—1938. N. Y., 1941.
17. The Rockefeller Foundation: Annual Report. N. Y., 1933.
18. Heilbron J. L. The first European cyclotrons // Riv. Stor. Sci. 1986. Vol. 3. P. 1—44.
19. Kohler R. E. The management of science: the experience of Warren Weaver and the Rockefeller Foundation programme in molecular biology // Minerva. 1976. Vol. 14. P. 279—306.
20. The Rockefeller Foundation: Directory of fellowship awards. 1917—1950. N. Y., 1951.
21. Rosenbaum T. E. Rockefeller philanthropies in revolutionary Russia // Newsletter. / Rockefeller Archive Center. 1989. Summer. P. 13.
22. RAC. Projects. 785. USSR. 1.1—2—15.
23. RAC. IEB. 1.2—40—567.
24. Международные связи Академии наук. М., 1992.

25. RAC. Projects. 785. USSR. 1.1—2—16.
26. RAC. Projects. 785. USSR. 1.1—1—2.
27. Френкель В. Я., Джозефсон П. Советские физики — стипендиаты Рокфеллеровского фонда // УФН. 1990. Т. 160. С. 103—134.
28. RAC. IEB. 1.3—42—598.
29. RAC. IEB. 1.3—56—916.
30. Эренфест — Иоффе. Научная переписка. 1907—1933 гг. Л., 1973.
31. RAC. IEB. 1.3—52—818.
32. RAC. IEB. 1.3—53—836.
33. RAC. IEB. 1.3—49—733.
34. Санкт-Петербургское отделение АРАН, ф. 1034, оп. 2, д. 6.
35. RAC. IEB. 1.3—48—725.
36. RAC. IEB. 1.2—40—566.
37. Кожевников А. Б., Френкель В. Я. П. Дирак и И. Е. Тамм. Избранная переписка // Польша Дирак и физика XX века. М., 1990. С. 138—177.
38. RAC. IEB. 1.3—52—18.
39. RAC. IEB. 1.3—59—979.
40. RAC. IEB. 1.3—59—980.
41. RAC. IEB. 1.3—49—741.
42. Fellowship card. NS # 66. L. D. Landau.
43. Fellowship card. NS # 19. G. A. Gamow.
44. Александров П. С. Страницы автобиографии // УМН. 1979. Т. 34. Вып. 6. С. 219—249; 1980. Т. 35. Вып. 3. С. 241—278.
45. RAC. IEB. 1.3—54—862.
46. RAC. IEB. 1.3—48—712.
47. RAC. IEB. 1.3—45—644.
48. Ермолаева Н. С. Первые годы русской математической эмиграции // ВИАТ. 1992. № 2. С. 50—61.
49. RAC. IEB. 1.3—47—699.
50. RAC. IEB. 1.3—47—688.
51. RAC. IEB. 1.3—59—990.
52. RAC. IEB. 1.3—52—826.
53. RAC. IEB. 1.3—60—1003.
54. RAC. Projects. 785. USSR. 1.1—1—1.
55. RAC. Projects. 785. USSR. 1.1—1—4.
56. Windholz G., Koppers J. R. Pavlov and the Rockefeller Foundation // Pav. J. Biol. Sci. 1988. P. 107—110.
57. RF. 10. Fellowship cards. IEB. USSR.
58. RF. 10. Fellowship cards. RF. USSR.